

Мир России. 2001. № 4

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

*Мы предлагаем вниманию читателей авторизованную стенограмму заседания Круглого стола, состоявшегося в Международном общественном Фонде социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонде) 25 апреля 2001 года в рамках «Модернизационного проекта для России», который осуществляется исследовательской группой в составе: д.ф.н., проф. **В.И. Толстых** (руководитель проекта); д.э.н., проф. **А.Е. Городецкого**; д.ф.н., проф. **В.Г. Федотовой**; **Е.К. Макаровой** (ответственный секретарь проекта).*

*Участники Круглого стола: **Городецкий Андрей Евгеньевич** — д.э.н., проф., академик Международной Академии экономических наук и предпринимательства, руководитель Центра институциональных и микроэкономических исследований Института экономики РАН; **Григорьев Леонид Маркович** — к.э.н., экономист; **Гутник Владимир Петрович** — к.э.н., руководитель центра Европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений; **Доброчеев Олег Викторович** — к.т.н., директор Центра прогнозов Института экономических стратегий, главный специалист Курчатовского института; **Зарубина Наталья Николаевна** — д.ф.н., ведущий научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем; **Ивантер Виктор Викторович** — действительный член Российской академии наук, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; **Масарский Марк Вениаминович** — председатель Совета предпринимателей при правительстве и мэрии Москвы, председатель совета предпринимателей РОСДП; **Славин Борис Федорович** — д.ф.н., проф., главный редактор газеты «Новая жизнь»; **Толстых Валентин Иванович** — д.ф.н., проф. (Горбачев-Фонд); **Федотова Валентина Гавриловна** — д.ф.н., проф., руководитель Центра методологии социального познания Института философии РАН; **Яковец Юрий Владимирович** — д.э.н., проф., академик РАЕН, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева; **Яковлев Андрей Александрович** — к.э.н., проректор Государственного университета — Высшей школы экономики, директор Института анализа предприятий и рынков.*

Все тот же русский вопрос — что делать?

Толстых В.И. В программе Круглого стола, как мне кажется, мы достаточно внятно определили наш подход к обсуждаемой теме и очертили круг вопросов, на которые

хотели бы получить ответы. Мы знаем, что по этой теме уже прошло немало конференций, «круглых столов», экспертных совещаний, пресс-клубов. И, конечно, не хотели бы повторять уже сказанное и известное. Более того, признаюсь, мы преследуем довольно амбициозную цель — попытаться без ставших уже привычными идейных разборок и выяснения отношений — кто прав, кто виноват и т. д. — ответить, или хотя бы приблизиться к ответу на вопрос, который является для русских сакраментальным, но сейчас действительно судьбоносным — ЧТО ДЕЛАТЬ? Что сегодня нужно делать, а может быть, и вчера? Поставить его так и получить на него такой ответ, который был бы интересен, важен, понятен не только какому-то узкому кругу «посвященных», но и очень многим непосвященным, которые устали от выпавших на их долю бесконечных передраг и несчастий, устали от забалтывания самых простых и ясных вещей.

Возникла какая-то странная познавательная ситуация. Кажется, все согласны с тем, что кризис носит системный характер, а ответ на него получается явно не системным, состоящим из каких-то разрозненных рекомендаций и предложений. Кажется, многие уже понимают, что кризис носит парадигмальный характер. И стало быть, тот же экономический или политический кризис имеет под собой более глубокое основание, чем просто просчеты власти, самообман элиты, иллюзии населения. Мало кто отваживается и пытается заглянуть на дно колодца, определить и назвать действительные корневые причины нынешнего плачевного результата «политики реформ». Возникает такое ощущение, что все как бы договорились — чего-то главного, существенного не замечать или не высказывать. Может быть, Россия оскудела талантами, умами, и помимо экономического, политического кризиса мы переживаем еще и интеллектуальный кризис? Я так не думаю.

Исхожу при этом из реалий — как нынешних, так и исторических, которые почему-то стараются не вспоминать и не обсуждать. В самом деле, десять лет страной правили либералы или демократы, как они себя называют. Во всяком случае, все происходило под флагом либерализма, либерального обновления, переделки, перестройки России. Результаты их правления налицо. И они очевидны по своим разрушительным результатам. Их очень много ругают, обличают, клянут. Но ругань, даже справедливая, мало что дает. Хотелось бы иметь какой-то серьезный анализ — как всё это получилось. Очень многое удалось за эти десять лет разрушить и очень мало что создать. И рынок — не рынок, и демократия — не демократия, и государство стало хилым, и гражданского общества нет. И я подумал: а десять лет — это много или мало для такой большой и богатой ресурсами страны, как Россия? Думаю, что это очень большой срок, особенно в наше быстро текущее время. В подтверждение хочу сослаться на два хорошо известных примера из истории, которые мы почему-то никак не хотим осмыслить всерьез.

Первый. Три года понадобилось Ленину, чтобы признать крах, как он сам это определил, «красногвардейской атаки на капитал». Можно представить себе, как нелегко ему это далось при амбициозности его планов и заявлений, сделанных в начале Октябрьского переворота. Уже в 1921 г. он публично отказывается от политики «военного коммунизма», преодолевая сильнейшее сопротивление внутри правящей партии, предлагает НЭП и план ГОЭЛРО. В последующие три-четыре года уже ощутимо сказались результаты модернизационного плана Ленина — поднялось производство, расцвела торговля, появился «золотой червонец», когда страна преодолела состояние распада (существовали республики Омская, Уральская, каких только республик не было), возник СССР. Затем за дело взялся Сталин, предложивший другой, свой модернизационный план, который, кстати, своими методами и средствами он осуществил примерно за десять лет.

Надеюсь, понятно, что речь не о том, что нам нужен Ленин или Сталин, а о том, что за десять лет в России можно, оказывается, многое сделать, даже тогда, когда она находится в ужасном состоянии. При одном условии — если за это берутся люди, которые чувствуют и понимают страну, которой взялись руководить, вдохновляясь какой-то серьезной идеей и более-менее продуманным планом действий. Я нахожусь сейчас под впечатлением книги «Информационная эпоха» Мануэля Кастельса, которую вы, на-

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

верняка, хорошо все знаете. Он пишет, что в любой модернизации или реформаторских устремлениях следует учитывать пределы, масштабы и возможности страны, которую принимаешься реформировать или модернизировать.

Второй пример. Классический. Во времена Великой депрессии в США к власти приходит Рузвельт и предлагает свой «Новый курс» (я знаю, что говорю абсолютно известные вещи), то есть некий модернизационный проект, с помощью которого он не только вывел страну из жесточайшего кризиса, но и заложил основы ее дальнейшего бурного развития, полувекового процветания. Как это ему удалось сделать, можно прочитать в блистательной, с моей точки зрения, книге Анатолия Уткина, которая так и называется «Рузвельт». Рузвельт вспомнил о «забытом простом человеке, стоящем в основании экономической пирамиды», и добился того, что заработала — именно заработала! — вся страна. И даже олигархи — форды, дюпоны, морганы и другие — сумели как-то соединить выгоду с национальными интересами страны.

Тут есть над чем подумать. Конечно, всякие аналогии хромают. Но без аналогий нельзя понять, почему модернизация получается в оккупированных Германии и Японии, во франкистской, диктаторской Испании, в маленькой призападной Чехии, в большом коммунистическом Китае, а теперь и во Вьетнаме, но никак не получается в России, обладающей великой культурой и поистине несметными природными ресурсами.

В понятие модернизации мы вкладываем совершенно определенный смысл и содержание, не путая его с понятиями «трансформация», «реформа» и т. д. Мы рассматриваем его в новом контексте и качестве, учитывая нарастающий процесс глобализации со всеми его противоречиями и проблемами, историческую исчерпанность феноменов «вестернизации» и вообще «догоняющей модернизации».

Какая модернизация России нужна и какая модернизация в России возможна? — конструктивный и реалистичный ответ на этот вопрос так же важен, как и труден. Попробуем сообща на него ответить.

Нужна модернизация? Она уже произошла

Григорьев Л.М. Модернизация России — это огромной важности проблема, охватывающая экономику, общество и государственные институты. Я понимаю под модернизацией существенный рост экономики и т. д. за какую-то короткую историческую эпоху, в пределах, скажем, 10—15 лет. Без такого роста нет ресурсов для решения других модернизационных задач. Этот рост должен базироваться на современных, присущих данной эпохе технологиях, и быть устойчивым в современном смысле этого термина, то есть сопровождаться перестройкой хозяйственного механизма, направленного на решение социальных задач. При этом форма власти должна быть адекватна данному экономическому механизму.

Такому критерию не отвечают все российские модернизации XX в. Столыпинская модернизация не была завершена даже по земельному вопросу, но главное — не завершена по власти (переход от старой феодальной верхушки к новой, буржуазной). Поэтому, собственно, мы и получили революцию. Сталинская «модернизация» — как ни парадоксально — полностью соответствует определению, но в историческом плане, за пределами двух поколений, исчерпывает себя и она.

В нынешние 1990-е годы не было никакой «сельцинско-гайдаровской модернизации». А есть изменение системы собственности и соответствующее изменение экономического механизма на фоне кризиса, связанного с открытием страны конкуренции в глобальной экономике. Разница со столыпинской эпохой в том, что эти изменения уже закреплены и на уровне экономического механизма, и на уровне власти. Нынешняя политическая консолидация есть закрепление итогов этой трансформации наверху, но пока без устойчивого экономического роста. И поскольку, по расчетам МВФ, в 2000 г.,

по сравнению с 1990 г., больших изменений в ВВП на душу населения не произошло (в мире почти все страны остались в той группе, где они были сто лет назад, за исключением, разве, Тайваня), очень сложно будет использовать те ресурсы и преимущества, которые имеет Россия, для рывка вперед к устойчивому росту и существенному перераспределению доходов.

В этом плане, на мой взгляд, возникает вопрос: а что мы обсуждаем, имея в виду модернизацию, что нам хотелось бы получить, или что, вероятно, произойдет? Думаю, мы можем анализировать вероятное развитие страны на поколение вперед — какой тип экономического роста и какая модернизация ожидает Россию при сложившихся отношениях собственности и данном механизме хозяйствования. Мне представляется, что мы становимся похожими на некоторые крупные латиноамериканские страны, в которых государство вмешивается в дела экономики, в явной или неявной кооперации с крупным бизнесом и под постоянным давлением бедности и популизма. Весьма схожая с нами схема. Государство снова будет пытаться вмешаться и что-то делать само, а новые организации бизнеса, все более осознавая свои интересы, попытаются сохранить контроль над развитием событий. Таким образом, мы вряд ли сможем на данном этапе найти реальную развилку для изменения характера нашей истории и развития — развилка нами только что пройдена.

Считаю, что новая Программа Правительства России — это ярчайшая манифестация того, что нынешний сложившийся в России капитализм не работает адекватно в рамках глобальной экономики. Делается попытка на ходу мчащегося поезда починить экономические механизмы: правительство как механик подкручивает гайки, выбрасывает одно колесо, вставляет другое и т. д. Мы на ходу пытаемся изменить корпоративное управление, не меняя отношений собственности. Форма идеологического оформления выбрана праволиберальная, а существо проводимой пока политики — более жесткий государственный контроль. Как они будут совмещены, покажут ближайшие годы. Проверкой на совместимость будет характер распределения ренты: предоставит ли государство частным компаниям возможность использования ее в значительной мере по своему усмотрению, или вновь попытается ее централизовать для решения долговых или инфраструктурных проблем страны сверху.

Безусловно, мы должны отдавать себе отчет в том, какую мы хотим модернизацию. Конечно, всем хотелось бы видеть быстрый экономический рост и общество с человеческим лицом, где бедные были бы накормлены, а богатые были бы благородны и бросали деньги не только в кружку у церкви но и в воскресенья. И чтобы наука расцвела, как при Екатерине Второй. Но при этом остается нерешенной проблема — какой мы хотим видеть страну. От общества все-таки многое зависит. Мы должны сами определить, чего мы, собственно, хотим. Есть у нас, как у страны, своя миссия? Или мы живем как пошлые, занудные обыватели на этой планете. Если есть, тогда, давайте, мы мобилизуемся, поставим себе цель, сконцентрируем ресурсы, и что-то будем делать. Но это потребует больших расходов — большинство стран с высоким уровнем потребления, как правило, никогда не ставили перед собой миссионерских задач.

Далее: как мы моделируем себя — по США или по Франции? В порядке эксперимента и как повод для дискуссии могу предложить моделировать себя по французам. Легко показать, как много общего у нас в исторических судьбах, применительно к нынешней глобальной ситуации. Это ограниченный ареал распространения языков, великая история имперского типа, масса серьезнейших оснований в науке и культуре для национальной гордости; у них еще и культурный протекционизм, защищающий страну от американского «ширпотреба», и в то же время вполне достойное существование на планете. Французы очень неплохо себя чувствуют, обладают высоким самоуважением, но главное — не претендуют на наведение порядка в мире и исполнение каких-то миссий. У них есть традиционные интересы, но исторические трудности отношений с соседями (Англия, Испания, Германия) уже позади.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

При 6 тыс. долларов ВВП (по паритету покупательной способности) на душу населения в России (например, у словенцев и киприотов — 15, поляков — 8, чехов и венгров — 10—12). Россия не может ставить перед собой очень амбициозных задач и решать все проблемы сразу. Мы, конечно, остаемся в ловушке. Потому что если налаживаем тихую буржуазную жизнь, чиним инфраструктуру и т. д., мы обречены на экспорт мозгов. Когда мозги дешевые, они уезжают. Это принципиальная проблема, с которой пока непонятно, что делать. Без формулирования каких-то национальных целей, которые бы психологически держали людей на родине, не выталкивали на мировой рынок, где они получают сразу на порядок лучший уровень существования, положения с мозгами не изменить. Уровень производительности и дохода в стране достаточно низкий, и чтобы прорваться в глобальную экономику, где приличные страны имеют от 10—12 тыс. долларов ВВП на душу населения, надо иметь ВВП примерно в два раза больше на душу населения. Это позволит иметь стабильную социальную структуру.

Смысл заключается в том, что в рамках христианской европейской культуры — традиционной культуры Европы, Латинской Америки — социальная стабильность, демократия, распределение доходов, видимо, связаны и начинаются с порога за 10 тысяч долларов ВВП. Отсюда задача модернизации — в два раза поднять объем ВВП на рыночной основе, чтобы за достаточно короткое время примерно удвоить доход на душу населения. Если мы сумеем приблизиться к более равномерной, пусть не западноевропейской, а англосаксонской структуре распределения доходов, то тогда мы сможем говорить о достаточно устойчивой социальной структуре и, видимо, более развитом и независимом гражданском обществе. Тогда можно уже ставить вопрос и о достижении более высоких гуманитарных и моральных целей и ценностей.

Федотова В.Г. Во-первых, я не могу согласиться с Леонидом Марковичем в том, что с 1900 г. ничего существенного не произошло. Первая, затем Вторая мировая война, образование двух мировых систем, распад Австро-венгерской, Османской империй, подъем США, «холодная война», распад СССР и т. д. — если это значит «ничего не произошло», то что же тогда происходило до наших дней?!

Второе. По поводу образа Франции. Да, многое действительно совпадает, кроме одного. Когда мой сосед вернулся из Голландии и начал первым делом рассказывать тюльпаны, я, проходя мимо, сказала — высадил сперва голландцев. Французы — рациональный народ, у которых даже мораль заменена чувством меры, чувством середины, чувством порядка. Когда мы мысленно примеряем эту модель на себя, мы забываем об особенностях нашего сознания. Ведь вопрос о том, почему распался СССР, мне кажется, связан как раз с тем, что мы не французы. Мы строили коммунизм как антикапитализм, а капитализм стали строить как антикоммунизм. Я думаю, если бы Горбачев на XIX партконференции сказал: «Товарищи коммунисты, давайте перейдем к рыночной экономике», мы могли бы иметь что-то вроде Китая, хотя мы и не китайцы. Все-таки институциональные системы позволяли ввести принципы рынка, который бы находился под контролем государства, и это позволило бы иметь больше рынка, чем мы имеем на сегодняшний день. Но я говорю в сослагательном наклонении, как и Леонид Маркович, а это не доказательство.

Ивантер В.В. Я не хочу ничего предрешать, поделюсь лишь своими размышлениями.

У меня такое мнение. Надо кончать «трамвайную жизнь». Куда-то едем и все время говорим, что вот-вот мы что-то быстро переделаем и начнем хорошо жить. Потому что, когда едешь в трамвае, то ничего путного сделать нельзя.

В качестве лозунга я бы поставил проблему обустройства страны — нормально жить и себя обустроить. Никакой синоним не подходит к спокойной буржуазной жизни, потому что Россия уникальна, а в своей уникальности — тривиальна. Я задаю вопрос: «А назовите мне не уникальную страну? Какая страна не уникальная?». Так что мой первый тезис заключается в том, что надо начать жить нормальной жизнью.

Второй тезис заключается в том, что мы уже модернизацию прошли, всё уже свершилось. И считать надо не с 1992 г., а, извините, с 1985-го. Я ведь это условно говорю, имея в виду, что Горбачев и Ельцин страну уже переделали. Я отлично помню 1985-й год. Уверяю вас, что здания у нас те же, но все вокруг совершенно другое и по-другому. Мы прошли модернизацию, мы ее совершили, причем совершили самым радикальным образом. Радикализм происходил вовсе не от Ельцина. Не Ельцин придумал радикализм, а само общество было радикализировано. Версия про то, что Егор Тимурович придумал, *чтобы такое сделать, например*, давайте цены отпустим... Ну что вы мне рассказываете, когда я в этой каше варился. А Маслюков разве не хотел отпускать цены? А Павлов? А программа Павлова — не гайдаровская? Просто какая-то мистика.

Действительно, общество было радикализировано и верило в то, что можно быстро получить благополучие, и поэтому никакого другого ответа, кроме радикального, быть не могло. Что же касается претензий к самой команде, то, мне кажется, радикализм этот был безграмотный. Классический пример. Могло быть всё, что угодно, но учинить кризис наличности — это просто унизительно. Это унижение корпораций, всех нас, имеющих отношение к экономической науке. Я себя чувствовал униженно. Кто больше виноват — Матюхин или Гайдар? Один командует банком, другой — Гознаком. Я могу привести целый список людей, сотворивших в 1998 г. дефолт с девальвацией. Это позорище. Думаете, не знали, что творили. Все знали. Сам процесс оглупления понятен. Что Дубинин не знал, что нужно было вовремя девальвироваться? Конечно, знал. Потому что кого объявят виновником, тому и выплут. Вот и вся игра.

Да, теперь мы живем другой жизнью — только не хорошей жизнью. Я бы сказал так, что мы имели большую плановую и неэффективную экономику. Сейчас мы имеем маленькую рыночную и тоже неэффективную экономику. Вот, собственно, и всё. И задача заключается в том, чтобы эту маленькую рыночную превратить в большую и эффективную. А как это сделать, этого добиться — вопрос другой и особый. Надо то, что мы имеем, перенести в удобное для жизни пространство. Можно ли это сделать быстро? Можно. Я бы сказал так: для макроэкономистов 10 процентов — это очень большой рост. И я видел, как его достигают.

Мне выпала удача: я только что вернулся из Китая, где не был десять лет. Я приехал в другую страну, там люди уже совсем другие. Шанхай закончил переход, и они обогнали Токио. Я был в Чанчжоу (на северо-западе страны) — это был бедный, страшный район. Если в Пекине и Шанхае динамики не видно (относительное благополучие), то в Чанчжоу — дикая динамика. Все с утра до вечера всё копают лопатами и бульдозерами. Сочетание домов, пока без кондиционеров, с вывешенными матрасами, и небоскребов; разбитые дороги и стоящие уже полупостроенные эстакады. Все это динамика. Они занимаются обустройством. Другое дело, что у них народу много и это сложно. У нас же народу меньше, ресурсов больше, а такой динамики нет.

От чего зависит сейчас наше обустройство? Оно зависит исключительно от профессионализма начальства. Народ, у которого будто бы дурная ментальность, как раз готов жить нормально. То есть получать нормальную зарплату и работать по тем принципам, которые диктует рыночная экономика. Короче, если я хожу каждый день на работу, то соответственно вовремя и по результатам труда получаю зарплату. В коммерческих структурах люди готовы работать и по субботам, и в праздничные дни, если им платят. Особенно это касается людей в возрасте самом замечательном — от 20 до 40 лет. Молодое поколение, безусловно, готово жить и трудиться в новых условиях, а старшее, увы, не готово их поддержать. Ведь есть всё. Только надо перестать заниматься всякими революциями и ждать чуда от законов.

В чем беда программы Грефа? Не в том, что она плохая, а в отсутствии законов, которые бы обеспечили ее выполнение. Мы живем в странной ситуации. Каждый должен заниматься своим делом, а у нас все заняты одним и тем же. Казалось бы, избрали Федеральное Собрание, чтобы они законы делали. А у нас делает законы правительство, именно оно занимается законотворчеством. А думцы чем занимаются? Выходит, мы их

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

избрали, чтобы только голосовать, а правительство, чтобы оно сочиняло законы. И президента, выходит, избрали для того, чтобы он дирижировал движением состава с углем, дабы не замерзло Приморье. Всё шиворот-навыворот. В то время, когда нужен нормальный образ жизни, когда каждый занимается своим делом. Федеральное Собрание пишет законы, а исполнительная власть в соответствии с ними управляет страной. Мы тоже хороши! Пишем новые законы, не научившись выполнять старые, а может быть, они и не такие уж плохие.

Я думаю, что никакого модернизационного вызова для России нет. И мы давно уже модернизированы. А весь вызов заключается в том, что жить хочется благополучно, для чего надо научиться вести себя в соответствии с теми реальностями, которые у нас есть. Сейчас ситуация явно изменилась. Если в 1985-м и 1992-м общество было радикализовано и еще верило, что можно быстро чего-то добиться, то сейчас никто уже в это не верит. Все хотят жить спокойно, никуда не торопясь, знать, что будет завтра, учить детей и т. д., и т. п. Правильно? А наверху успех будет иметь тот, кто эту последовательность обеспечит. Мне кажется, что это нормальная тенденция.

Повторяю, пора перестать заниматься всякими и всяческими революциями. И очень прагматично будет признать, что у нас уже есть рыночная экономика. А то ведь что происходит? Мы требуем, чтобы американцы признали, что у нас рыночная экономика, а сами говорим «квазирынок», «квазидемократия». Почему это она не рыночная? Она рыночная, только не эффективная. Мы же не требуем от американцев признания эффективности нашей экономики. Мы только требуем признания, что у нас всё за деньги продается и покупается.

Нужен прорыв в постиндустриальное общество

Яковец Ю.В. Мне кажется, что в поисках ответа на поставленный вопрос Круглого стола нам не обойтись без исторического взгляда и обозрения модернизационных процессов в России. Я попытаюсь это сделать в общем цивилизационном плане, на мой взгляд, обязательном, поскольку речь идет о феномене российских модернизаций, судьба которых складывалась весьма своеобразно и неоднозначно по своим результатам. Учитывая жесткий регламент, вынужден сделать это в форме краткого очерка.

Волны модернизаций — трансформации общества применительно к возникающим новым условиям социально-экономического и технологического развития — прокатываясь по миру, захватывали и Россию. В прошедшем тысячелетии можно обнаружить несколько таких волн, связанных с переходом к очередным мировым цивилизациям.

В начале тысячелетия сущностью модернизации в Европе была адаптация к средневековому феодально-цеховому строю. Пик модернизации в Новгородско-Киевской Руси был достигнут при Ярославе Мудром. Наиболее радикальной трансформации Россия подвергалась при Петре I, когда начали стремительно осваиваться основы прединдустриального мануфактурно-товарного хозяйства, а плоды этой модернизации пожинала уже Екатерина II.

Волна модернизации, направленная на освоение (с запозданием) достижений промышленной революции, развернулась в России в последней четверти XIX в. Затем была прервана революциями и гражданской войной и снова возобновилась — в мобилизационной форме — с конца 20-х годов, что позволило стране выстоять и победить в столкновении с гитлеровской военно-технической машиной, подчинившей тогда себе почти всю Европу.

Наиболее впечатляюще успехи модернизации в 50-70-е годы ушедшего века, когда было осуществлено крупномасштабное освоение достижений первой НТР, связанной со становлением нового технологического уклада, формированием радиоэлектроники, атомной энергетики, ракетно-космической отрасли и др. Впервые в своей тысячелетней

истории российская (евразийская) цивилизация достигла военно-стратегического паритета с западной, возглавив мировую антизападную коалицию.

Однако пороками выбранной тогда модели модернизации была ее милитаристская односторонность, разбухшая за счет отставания отраслей потребительского назначения; придание экономике сырьевого характера; чрезмерная централизация при ослаблении конкуренции, рыночных механизмов и стимулов. В результате СССР на полтора-два десятилетия запоздал с крупномасштабным освоением следующего, нового технологического уклада (кроме военно-промышленного сектора), что обусловило подрыв конкурентоспособности продукции и эффективности экономики. Какое-то время еще удавалось удержаться на присвоении мировой горной ренты (вследствие скачка цен на топливо и расширения его экспорта), но трансформационный кризис назревал неуклонно.

Следовательно, очередная волна модернизации — применительно к требованиям постиндустриального общества и нового технологического способа производства — была неизбежна, объективно обусловлена. Первоначально, в середине 80-х годов, были правильно намечены основные ориентиры этой модернизации (во многом аналогичные тому, что реально и с успехом осуществляется ныне в Китае). Однако в дальнейшем эти ориентиры были подменены другими — поощрением безоглядной приватизации, расхищением государственного богатства и сбережений населения, полным открытием рынка для зарубежных монополий и ТНК, отказом от государственной поддержки инноваций. Неизбежным результатом гайдаровско-ельцинской «модернизации» стал достойный занесения в книгу рекордов Гиннеса небывалый для мирного времени обвальная кризис — с падением ВВП и уровня реальных доходов вдвое, вытеснением отечественных товаропроизводителей с внутреннего и внешнего рынков, распадом СССР и угрозой распаду России, сбрасыванием ее на третьестепенные позиции в стремительно модернизирующемся глобальном сообществе. По сути дела это была политика антимодернизации, отбросившая Россию на несколько десятилетий назад.

Кризис 1998 г. обнаружил тупиковость, пагубность для российской цивилизации курса ускоренной вестернизации, показал необходимость выбора модели модернизации, отвечающей реалиям XXI в. Каковы главные тенденции начала этого века, определяющие критерии выбора модернизационной модели?

1. Завершение смены индустриального общества постиндустриальным в авангардных странах и цивилизациях. Суть последнего не в беспредельной информатизации (что является лишь средством продления господства индустриального технократизма), а в гуманистически-ноосферной трансформации, в выдвигании на первый план творческой личности, рациональной коэволюции общества и природы. Основные контуры такой коэволюции были определены Н.Н. Моисеевым.
2. Становление интегрального социокультурного строя на базе трансформации и конвергенции разлагающегося «чувственного строя» на Западе и обветшавшего «идеационального» (сверхчувственного) строя на Востоке. Эту тенденцию точно спрогнозировал Питирим Сорокин: она становится еще более необходимой в период трансформации мирового сообщества.
3. Как ответ на вызов глобализации, осуществляемой по западной модели в интересах ТНК и утверждения монополярного мира, — формирование четвертого поколения локальных цивилизаций, способных на диалог, равноправное сотрудничество, партнерство в решении узловых мировых проблем.
4. Глобальная модернизация для решения — на основе партнерства цивилизаций — узловых, роковых проблем первой половины XXI века, а именно:
 - преодоления технологической отсталости и растущей нищеты большинства населения Земли при сверхконцентрации богатства на другом полюсе;
 - неумолимо приближающегося исчерпания природных ресурсов при растущем загрязнении окружающей среды и угрозе экокатастрофы;
 - быстрого роста населения наиболее бедных цивилизаций при впервые отчетливо прорисовывающейся тенденции к депопуляции и быстрому старению населения в Западной Европе, Японии, России, Украине;

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

• предупреждения столкновения цивилизаций, выработка механизма их диалога и партнерства, исключения войны из геополитической сферы. На мой взгляд, выбор стратегии модернизации России в начале XXI в. сталкивается со взаимно исключающими альтернативами.

1. Довести до конца курс на вестернизацию при приоритете стихийно-рыночного хозяйства, открытой экономики, «субсидиарном государстве», признании безусловного лидерства западной цивилизации. Учитывая узость высокотехнологичного сектора экономики и низкую долю конкурентоспособных готовых изделий, этот курс реально обрекает Россию на положение источника сырья и рынка сбыта готовой продукции для постиндустриальных стран и ТНК. Эту альтернативу наиболее откровенно отстаивает В.Л. Иноземцев, в завуалированной форме — программа Г. Грефа (по сути — третье издание гайдаровской программы).
2. Противоположной позиции придерживаются А.С. Панарин, А. Дугин и другие, настаивающие на том, что Россия должна (и имеет возможность) взять на себя роль лидера антизападной коалиции в биполярном мире, возродить былое экономическое и военное могущество. При всей заманчивости такой сверхоптимистической перспективы следует признать, что она не имеет шансов на реализацию — по крайней мере, в первой половине XXI в. Экономический, научно-технический и природный потенциал России сильно истощен, потеряна конкурентоспособность экономики.
3. Однако не все так безнадежно, как это следует из приведенных выше альтернативных прогнозов. Возможен третий путь модернизации России и повышения ее роли в мировом цивилизационном пространстве. Он возможен при ориентации на многополярный гуманистически-ноосферный мир, на диалог и партнерство цивилизаций, в котором Россия могла бы занять достойное место, опираясь на свой социокультурный потенциал и цивилизационные особенности.

Главное богатство России — не в быстро исчерпывающихся природных ресурсах, не в устаревшем, не полностью загруженном производственном аппарате и не в остатках некогда могущественного, но ныне расколотого и обесиленного военно-промышленного комплекса. Главное богатство — в духовной сфере, в науке, культуре, образовании, в пока еще сохранившихся цивилизационных ценностях. Именно духовное богатство, а не материальное, приобретает первостепенное значение в постиндустриальном обществе. Россия пока еще имеет шанс (но не надолго), опираясь на это богатство, стать одним из эпицентров формирования интегрального социокультурного строя, отработывая и распространяя (не насильственным путем, а примером) основные принципы и механизмы интегрального строя. Несмотря на кризисную ситуацию, на поток массовой антикультуры и западных ценностей с экранов телевизоров, страниц печати и сайтов Интернета, признаки духовного возрождения России — пока еще слабые — начинают проявляться.

Что может и должно обеспечить движение России по этому пути перспективной модернизации?

Во-первых — формирование фундаментальных научных основ и концепции становления гуманистически-ноосферного постиндустриального общества, интегрального социокультурного строя и многополярного мира на принципах диалога и партнерства цивилизаций.

Во-вторых, выработка на основе указанной концепции долгосрочной государственной стратегии, ориентированной на возрождение России с учетом ее цивилизационных особенностей, на освоение постиндустриальных технологического и экономического способов производства, на приоритет социокультурной сферы, на усиление роли государства и повышение его ответственности перед настоящими и будущими поколениями.

В-третьих, сплочение здоровых общественных сил и политических движений вокруг этой программы, полномасштабное отражение ее в учебных курсах, в средствах массовой информации; ориентация молодежи на реализацию основанных на ней про-

грамм и проектов, ибо, как показывает исторический опыт, только на основе народного энтузиазма возможны крупные исторические повороты.

Федотова В.Г. В отношении тезисов Юрий Владимировича Яковца хочу высказать следующие соображения. Я согласна с тем, что в XX в. Россия подверглась трем радикальным модернизациям (вообще-то их было больше). Из них наиболее успешной в главном вопросе — сломе феодализма и осуществлении индустриализации — была только большевистская. То, что она осуществлялась жесткими методами, часто с применением насилия, не меняет оценки и сути с точки зрения осуществления поставленных задач. Столыпинские методы тоже были жесткими, но не достигли результата. Итогом гайдаровско-ельцинского преобразования стала демодернизация, отбрасывание страны в феодализм.

Что касается главных тенденций мировой динамики, то они, может быть, в силу краткости изложения представлены достаточно эклектически. Я имею в виду весьма спорное тождество гуманистически-ноосферного и постиндустриального начал и концепций, комбинацию Вернадского с Д. Беллом и идею интегрального социокультурного строя П. Сорокина, возникающего из конвергенции чувственного строя Запада и идеационного строя Востока.

Третья российская альтернатива, безусловно, является наиболее перспективной, но, к сожалению, неосуществимой сегодня из-за разрушительной демодернизации «курса реформ», особенно разрушительно сказавшейся на наиболее перспективных для выхода в постиндустриальный мир отраслях — науке, технике, образовании. Сегодня могут быть поставлены более скромные задачи — научно-технологические прорывы в глобальное общество, терминологически вытеснившие сегодня понятие «постиндустриальное общество». И тем не менее это концепция, имеющая свои резоны и заслуживающая обстоятельного обсуждения и рассмотрения.

Толстых В.И. У меня несколько иное отношение к подходу и позиции Ю.В. Яковца. Может быть, потому, что я не склонен так «заземлять» проблему российской модернизации, как наметилось в нашем разговоре. Феномен модернизации имеет свой метафизический пласт и контекст, и не меньше, чем, скажем, глобализация, нуждается в философском подходе и осмыслении. В работе «Глобализация в социокультурном измерении», которая скоро будет опубликована, я попытался это сделать. И потому направленность и общий пафос размышлений Юрия Владимировича мне близки и понятны. Прокламируя потребность и необходимость модернизации России, несомненно, надо жестко, предельно реалистично учитывать сложившиеся реалии. Но реализм ведь бывает разным: и в искусстве, и в политике — почти натурализмом, «с мордой, упершейся вниз» (Вл. Маяковский), и «фантастическим реализмом», как у Гоголя и Достоевского, где момент прорицания, заглядывания в будущее (в науке именуемое «проектным мышлением») содержит в себе больше правды, чем любая сумма самых «упрямых фактов». Например, я убежден в том, что действительно серьезное (не демагогическое!) и сугубо практическое задействование интеллектуального ресурса России даст гораздо больший, причем достаточно быстрый эффект, чем работающие на вынос и износ обе наши большие трубы — нефтяная и газовая. Для меня Ю.В. Яковец, как, кстати, и СЮ. Глазьев и многие наши академики, прав в определении ядра и главного ресурса модернизации. А в остальном можно и поспорить.

Реформа рентабельнее революции

Масарский М.В. Я хочу выдвинуть некую гипотезу, которую только тезисно обозначу: беда (не единственная, но существенная) всех российских модернизаций состоит в нелинейности поведения нестабильных систем.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Во-первых, это — риски ускоренных модернизаций (а все российские модернизации ускоренные, потому что они запаздывающие). Риски — в модели догоняющего развития. Мы догоняем всегда отсутствующий этап чужого пути. Мы догоняем либо будущее, либо прошлое Европы (ее давно нет, а мы ее догоняем).

Существенные риски ускоренных модернизаций состоят во многом. В частности в том, что у нас субъектом реформ всегда является политическое руководство. Не всегда добровольным инструментом реформ — политические и экономические элиты, а всегда страдательным и пассивным объектом верхушечных преобразований является неструктурированное общество. Его за столетия в пыль перетерла государственная плита Государство придавило общество. Оно всячески боролось с любой корпоративностью — боярской, купеческой, ремесленной. Если и создавались какие-то подобию казенных корпораций, то только ради фискальных целей.

Я сформулировал критерии нелинейности поведения реформируемых неустойчивых систем. В данном случае речь идет о системах, не устойчивых к автоколебаниям. Есть в учебниках классическое определение системы. Система — это любая совокупность элементов, внутренние связи между которыми сильнее внешних. То есть любая система достаточно структурирована, чтобы не распадаться от контактов с внешней средой. Если система не устойчива к автоколебаниям, то она распадается при преодолении каких-то параметров своего комфорта.

Первый критерий я назвал кодовым словом «неадекватность». Проще всего ее можно проиллюстрировать на макроэкономическом уровне. На классический инструментальный макроэкономического регулирования, разработанный «чикагской школой», российская школа отреагировала явно неадекватно. Гайдаром и его командой были некритически использованы, например, такие инструменты: жесткие дефляционные меры, контр-продуктивное сжатие кредитно-денежной массы. Здесь говорили о кризисе наличности. Кризис наличности устроен был специально. Потому что товарно-необеспеченный рынок нуждался в сокращении покупательной способности. Симптомом неадекватности реагирования явились неплатежи — это уникальные в истории человечества (может быть, в таких масштабах и неприменяемые) платежные средства с нулевой ликвидностью. Но вот парадокс: две трети фонда оборотных средств предприятий формировались за годы реформ за счет неплатежей. И это позволяло держаться на плаву.

Если помните, был публичный спор между Гайдаром и Верховным Советом РСФСР, дескать, не разрешает Верховный Совет правительству напечатать пятипятисенные купюры. На самом деле правительство не нуждалось в санкциях парламента при определении купюрности денег. Гознак подчинялся правительству. Какую купюрность заказали, такую и выдадут. Конфликт между председателем Центробанка Матюхиным и Гайдаром был демонстрационным. Не будь кризиса наличности, население смело бы с еще большей скоростью все скудные товарные поступления, которые были в январе 1992 г. Просто в этот момент люди обнаружили, что надо доедать старые запасы, сделанные в годы перестройки. Кризис наличности оказался частью дефляционных мер.

Второй критерий — упрощение. Что это значит? Система должна поддерживать свой гомеостазис. За счет чего она может его поддержать? За счет упрощения, отрицательных обратных связей, которые отсекают все факторы, дезорганизующие системный комфорт.

Третий критерий — «ручное» управление. Любая система управляется двумя основными способами: «ручным» и параметрическим. Параметрический способ управления экономикой преобладал в советские времена. Госплан СССР задавал параметрические ограничения: соотношение наличности с безналичностью, соотношение между группой «А» и «Б», объем конечного потребления, соотношение товарной массы с денежной наличностью, располагаемыми доходами населения.

Если раньше единая энергосистема СССР, единая система газоснабжения страны, союзная добыча нефти были параметрически ограничены, то сегодня многое зависит от менеджмента, от зарубежной рыночной конъюнктуры, от соотношения амбиций эконо-

номических и политических позиций олигархов. Утратив низкоэффективные параметрические регуляторы, система обрела не соответствующие ее масштабу ручные регуляторы.

Системный кризис, таким образом, преодолевается несистемным образом. В данном случае — с помощью «ручного» управления. Современная экономика инфраструктурна. А инфраструктура не поддается «ручному» регулированию. Она, во-первых, всегда масштабна и часто нерентабельна по определению. Например, — социальная инфраструктура. Она поддается только государственному косвенному регулированию. Также — правовая инфраструктура, энергетика, транспорт. Общациональный транспорт никто не может приватизировать. Прогорит всякий, кто приватизирует автомобильные дороги. С груза плату не возьмешь, не имеешь права взять.

Следующий критерий — это снижение энергетического КПД системы, который в нашем случае выглядит внешне так. Руководство страны жмет на газ и тормоз одновременно, а система вяло реагирует, как тупой автомобиль, никак не берет с места. Пошшков в свое время про Петра говорил: один царь тянет в гору, миллионы — под гору. Это не означало, что все подданные сопротивляются, бунтуют, заговоры устраивают против царя. Они просто вяло реагируют на царские реформаторские усилия. Ну, конечно, группа птенцов «гнезда Петрова» солидарно щебечет рядом. Но вот умер источник государственной энергии. И всё вяло скатывается к дореформенному состоянию. А поскольку оно оказалось разрушенным, возрастает общая энтропия системы.

Это же самое можно проиллюстрировать на гигантских усилиях и ничтожных результатах (с низким КПД и ресурсной расточительностью) петровских военных реформ. Петр ценой гигантских народных усилий построил тысячу кораблей, в основном галерных. Но к 1732 г., когда потребовалась блокада Штеттина при Анне Иоанновне (мы ввязались тогда в войну на стороне Дании), оказалось, что только 15 судов держатся на плаву. Часть флота в 1711 г. была отдана туркам. Остальной флот сгнил в пресной воде Кронштадтской гавани (из сырого леса был сделан, древесина не обрабатывалась, не знали, как это делать). И Анна Иоанновна неожиданно обнаружила, что 15 судов держатся на плаву, а опытных экипажей и для них не хватает. Победы русского парусного флота начались только при Екатерине II.

При Сталине господствует традиционная мифология войны: мы не готовы, к 1941 году у нас всего, не хватало, хотя армия составляла пять с половиной миллионов, не считая войск НКВД. Впрочем, танков было в разы больше, чем в немецкой армии. К 22 июня только танков Т-34 было 1250 штук. Из 1200 самолетов, уничтоженных в первые три часа войны, на аэродромах — 800 и в воздухе — 400, в основном были новейшие, не старых конструкций. Мы превосходили немцев по артиллерии, и были современные танки: длинноствольные, широкогусеничные, хорошо скомпонованные с противоснарядной броней, с дизельными двигателями. Немцы так и не получили дизельные двигатели. У них были в основном средние и легкие танки, многие — устаревших конструкций. Но немецкие танковые корпуса рвались по избранным направлениям. Они переигрывали нас в первые месяцы войны не технически, а стратегически.

К каким выводам я приглашаю? Во-первых, надо искать уроки в собственном прошлом, а не только за рубежом. Конечно, «целительна российская грусть, когда ложится мгла густая на дальнем Западе, в стране святых чудес». Но не надо радоваться западной мгле и обольщаться восточным светом. Дело в том, что Европа за своей спиной имеет такой ужас, что не приведи Господь. Ее вышколили религиозные войны, Реформация, вышколили Просвещение, Ренессанс. И эта школа была ужасной. Религиозные войны в Германии уничтожили больше половины населения страны. Такого кошмара Россия не знала. И слава Богу, что у нас не было религиозной Реформации.

В лучших условиях мы сейчас оказались, чем, например, реформаторы начала XX в. При Столыпине были миллионы лишних людей. Например, по переписи 1897 г. экономически неадаптированных было 37 миллионов человек. Не говорилось, что эти люди не нужны, просто они не имели возможности для собственного прокорма. В городе еще не

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

нужны, и уже не нужны в деревне. Аграрное перенаселение России — это первый шаг к гражданской войне. И эти «лишние» 18—20-летние молодые люди к 1917 г. оказались с оружием в руках.

Модернизация обостряет борьбу между неконкурентными и конкурентными слоями населения. Конечно, государство выражает интересы всех: глупых и умных, рыночно эффективных и неэффективных, старых и больных, работоспособных и инвалидов (а их у нас почти восемь миллионов человек). Но реформаторское руководство — величина не скалярная, а векторная. Оно не может «ехать» одновременно в разные стороны, ему нужны определенные ориентиры.

Основной ориентир модернизаций — экономически активная часть населения. Но что делали реформаторы начала 1990-х годов? Что делало государство? Оно собирало такое количество налога, как будто две-три пятилетки за эти два года хотело осуществить. Все это изымалось из экономического оборота ВВП. При этом все инвестиционные задачи сбрасывались на плечи экономически активного населения. Инвестиционный потенциал декапитализировался, тратился на подкорм неконкурентной части населения, на латание экономических дыр, на коррупцию, на оплату госдолгов и т. д. Вообще, налог — это самый главный способ мобилизации капитала.

Президент в своем послании Федеральному Собранию сказал, что нужно отказаться от обложения оборота. Вы только вдумайтесь: так называемая тамга взималась в размере 10 % от оборота (в татаро-монгольские времена). У нас — 20 % НДС. Но российский НДС — это та же самая тамга. Это просто налог с оборота. В России явно избыточен налог с оборота, который назвали эвфемизмом западного происхождения, «налогом на добавленную стоимость».

Вообще существуют три налоговые системы: рентообразующая, фискально-конфискационная и функционально ориентированная, смешанная форма налогообложения. Рентообразующая система налогообложения в России практически не применяется. В основном — фискально-конфискационная: что выросло, то и состригают.

Хотелось бы дать какие-то рекомендации. Рекомендации, к сожалению, одни и те же. Прежде чем двигаться дальше, отремонтируем то, что имеем. Именно — структуры, какие они есть: и хорошие, и плохие. У систем внутренняя логика поведения. Ей надо следовать. Любая реформированная система эффективнее любой заново созданной. Давайте усовершенствуем то, что уже имеется. Реформа рентабельнее революции.

Городецкий А.Е. Если судить об эпохе петровских модернизаций глобально, то были, конечно, колоссальные издержки, но были и колоссальные успехи, выразившиеся в создании одной из мировых империй, определявших в последующем судьбы мира. Но Империя рухнула через двести лет. Технический рывок, осуществленный в эпоху Петра, не претворился в устойчивый экономический строй, организацию, воспроизводящую исторический прогресс.

Разве сегодня технические заимствования, импорт инвестиций технологий, технологическая модернизация способны решить проблему модернизации в широком плане? Почему у нас технологические модернизации решаются, но не перерастают в те воспроизводственные контуры развития, которые постоянно иницируют социально-экономический прогресс?

Вот здесь я хотел бы поддержать Масарского. Его исторические аналогии имеют глубокий смысл в плане выбора модернизационных приоритетов. «Строй» сильнее «материального доминирования»; регулярная организация эффективнее единовременной мобилизации. «Натаскать» не означает обучить, а тем более укоренить. А вот как сделать модернизацию органичным, самовоспроизводящимся процессом обновления — здесь-то и кроется существо проблемы.

У нас еще не было модернизации

Яковлев А.А. На мой взгляд, у нас не было модернизации. У нас была трансформация, которая еще не закончилась.

Модернизации не было, но она нужна. В последней четверти XX в. в мире в рамках процессов глобализации произошли очень большие изменения. Собственно говоря, сама трансформация в значительной мере была обусловлена неспособностью советской административно-командной системы обеспечить очередную модернизацию, вывести страну на новый уровень технологического развития, который соответствовал бы вызовам глобального рынка. За последние десять лет эти вызовы стали еще острее.

Для того, чтобы обсуждать, что именно можно или нужно делать для модернизации российской экономики и российского общества, надо понять, кому это нужно. Здесь Масарский подходил косвенно к вопросу о социальной структуре. На мой взгляд, это действительно ключевой вопрос с точки зрения анализа всего, что происходило в нашей стране в течение 15 лет — с начала перестройки. К сожалению, непонимание значимости этого вопроса, абсолютизация роли и возможностей государства были характерны не только для нынешней пока неудавшейся попытки модернизации, но и практически для всех предшествующих российских модернизаций. В абсолютном большинстве случаев они проводились сверху и проводились *насильно* — без учета интересов основной массы экономических агентов и даже вопреки этим интересам. И в силу этого агенты были либо пассивны, либо активно сопротивлялись тому давлению и тем реформам, которые исходили от государства. В этом ряду были некоторые исключения — например, реформы Столыпина или Александра И. Но и они оказались половинчатыми и незавершенными.

Именно поэтому так важно правильно понимать те интересы и те мотивы, которыми руководствуются ведущие экономические агенты. Я согласен с тем, что у нас была неэффективная плановая экономика. Могла ли она быть эффективной, это другой вопрос. Тем не менее очевидно, что она проигрывала по эффективности, и это была, пожалуй, наиболее общая причина краха административной системы. Сейчас мы имеем неэффективную рыночную экономику. Но кто заинтересован в том, чтобы что-то изменить, чтобы перейти к эффективному конкурентному рынку?

Я достаточно близко наблюдал процесс ваяния программы Грефа. К сожалению, это действительно немножко напоминало ситуацию 1992-го г., когда пришла новая команда, которая принесла некие новые идеи. Написали новую бумагу. А кто это будет делать и кто в этом заинтересован? Вот в чем ключевой вопрос.

Однако для ответа на данный вопрос необходимо вернуться назад и попытаться ответить на, казалось бы, совсем другой вопрос — вопрос о причинах столь стремительного разрушения советской административной однопартийной системы, которого не смог предсказать ни один из маститых западных «советологов». Этот вопрос принципиально важен для понимания сегодняшних событий, поскольку все мы вышли из этой Системы, и до сих пор факторы, определявшие ее развитие, существенно влияют на развитие российской экономики. То же самое касается социальной структуры российского общества — в значительной мере она была сформирована в рамках советской системы, хотя и претерпела с тех пор определенную эволюцию.

Что же было 15 лет назад и что мы имеем сейчас? На мой взгляд, в отличие от стран Восточной Европы и той же Прибалтики, в России и других республиках бывшего СССР в конце 1980-х не было социальной базы для политики, направленной на формирование конкурентной рыночной экономики и конкурентной (то есть демократической) политической системы. И именно этим объясняется то «пробуксовывание» реформ, которое наблюдалось в 1990-е годы не только в России, но и в остальных государствах СНГ.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Данное утверждение может показаться весьма спорным, поскольку политика гласности, демократизации, расширения самостоятельности предприятий, проводившаяся М. Горбачевым, пользовалась практически всеобщей поддержкой в обществе. Однако необходимо различать лозунги и объективные интересы тех социальных групп, которые стояли за реформаторами.

И в этой связи у нас было два очень существенных отличия от Восточной Европы. Во-первых, у нас не было исторического опыта жизни в рыночной экономике и в демократических условиях. Соответственно, у абсолютного большинства граждан не было понимания того, что рынок и демократия — это не только свобода, но и ответственность, причем, прежде всего, для власть имущих.

Во-вторых, у нас была качественно другая социальная структура общества. В отличие от той же Восточной Европы у нас слишком долго существовал монолитный режим — в течение 70 лет искоренялась всяческая внутренняя оппозиция и инакомыслие. В странах социалистической системы значимая часть социальной элиты, интеллигенции, не была интегрирована режимом. Это было 10—15 %, может быть, даже 20 % активной части общества. Эти люди работали на предприятиях и в исследовательских институтах, преподавали в университетах, но они не были членами партии и не присутствовали в партийно-хозяйственном аппарате. По существу, эти люди были носителями альтернативной идеологии, которая подспудно сохранялась в обществе и которая находила свое выражение в венгерских событиях 1956 г., в «Пражской весне» 1968 г. Именно в силу этого к моменту слома режима в конце 1980-х была возможность персональной замены людей во власти, куда могли прийти новые люди с иными ценностными установками. Это очень важное обстоятельство, поскольку вне единых ценностей и вне определенной идеологии общество утрачивает ориентиры, не может сформулировать для себя перспективы развития. И, на мой взгляд, печальный российский опыт последнего десятилетия наглядное тому подтверждение.

В СССР последовательная политика пресечения всяческого инакомыслия привела к тому, что потенциальная оппозиция либо была физически уничтожена в период репрессий, либо выдавливалась из страны в эмиграцию, либо оказывалась интегрированной режимом. Не связанными с режимом фактически оставались лишь диссиденты, представлявшие собой, как правило, наиболее радикальную и наименее конструктивную часть оппозиции. За неимением альтернатив реальной социальной базой российских реформ на их начальной стадии была сама советская партийно-хозяйственная номенклатура — точнее, ее младшее поколение, которое использовало демократические и рыночные лозунги для того, чтобы потеснить засидевшихся на своих постах старших товарищей, а также ослабить механизмы централизованного контроля, который еще как-то сдерживал свободу действий самой номенклатуры. Да, движение в поддержку реформ было массовым. Однако та экономическая и политическая децентрализация, которая стала результатом этого движения уже при Горбачеве и интенсивно продолжалась при Ельцине, объективно была в интересах советской номенклатуры и привела к упрочению ее позиций.

Именно эта заинтересованность самой партийно-хозяйственной номенклатуры в децентрализации и в исчезновении механизмов контроля сверху, на мой взгляд, были основной причиной стремительного распада административной системы в СССР. Впрочем, процесс коррозии начался задолго до перестройки, и здесь была своя внутренняя логика.

Своего пика административная система достигла при Сталине. Именно при нем в обществе было обеспечено господство новой идеологии. Миллионы людей искренне верили в коммунистические идеалы, и это являлось основой для подлинного энтузиазма широких народных масс, ставшего одним из факторов советской модернизации. Однако добиться этого господства коммунистической идеологии в столь краткие сроки можно было только за счет репрессий по отношению к любой внутренней оппозиции, а также за счет максимальной закрытости общества от чуждого влияния извне. Система

НКВД и ГУЛАГа, первоначально созданная для устранения оппозиции, затем стала использоваться для подавления любого инакомыслия, приобрела колоссальные масштабы и сама превратилась в источник бесплатной рабочей силы в лице десятков миллионов заключенных. Их рабский труд объективно стал другим фактором советской модернизации.

Таким образом, в период ее расцвета Система держалась на энтузиазме и на страхе. Однако соотношение этих «движущих сил» на разных уровнях социальной иерархии было весьма различным. По мере продвижения вверх по ступенькам социальной лестницы вера в коммунистические идеалы разрушалась — поскольку люди получали доступ к информации, они видели, что на самом деле происходит в стране и за рубежом, как живут верхи и как живут низы. В результате возникал достаточно сильный внутренний цинизм, который разъедал верхушку. И именно для верхушки в первую очередь нужны были инструменты страха — когда любое колебание от линии партии и правительства, любое сомнение в истинности марксистско-ленинской идеологии каралось расстрелом или каторгой. Однако на практике это приводило к тому, что под маховик репрессий попадала, прежде всего, наиболее активная и творческая часть социальная элиты. В результате Система теряла инновационный потенциал и одновременно возникал тот бюрократический аппарат, который в конечном счете стал могильщиком Системы.

Приход к власти Хрущева на практике означал резкое повышение числа степеней свободы для номенклатуры. Однако Брежнев, руководствовавшийся принципом «живи сам и давай жить другим», гораздо больше устраивал аппарат, чем Хрущев с его «оттепелью», кукурузой и построением коммунизма к 1980-му году. В целом же аппарат был заинтересован в том, чтобы постепенно смягчать и убирать любое давление на самого себя, снимать любые сдерживающие его внешние ограничения. Люди все больше сознавали и учитывали свои материальные интересы, разговоры же об общественных интересах вне партийных собраний и официальных мероприятий в самом партийном аппарате все чаще вызывали здоровый смех. Однако в 1970-е годы Система еще сохраняла для аппарата весьма значимые сдерживающие механизмы. Для разных уровней номенклатуры это были Комитет народного контроля, Комитет партийного контроля, КГБ. Они уже не касались идеологии в явной форме. На самом деле на кухне можно было говорить все, что угодно. Внутренние формы коррозии уже не пресекались, речь шла лишь об откровенных внешних проявлениях. В этих условиях все происходившее в конце 1980-х — начале 1990-х было лишь логическим завершением процесса постепенного разложения Системы, начавшегося после смерти Сталина.

Под лозунгами демократических и рыночных реформ молодое поколение советской номенклатуры успешно обеспечило свой приход во власть, а также институционально (в рамках приватизации) упрочило свои позиции. Катастрофическое разрушение государственных институтов, сопровождавшее этот процесс, также было неслучайным — ослабление государства существенно упрощало раздел того имущества, которым аппарат управлял в рамках Системы и реальным хозяином которого он себя ощущал.

Именно преобладание частных интересов не только в бизнесе, но и в госаппарате при внешней слабости государства и одновременном форсированном разрушении всех контрольных механизмов административной системы, на мой взгляд, обусловили ту специфическую модель взаимоотношений бизнеса и власти, которая была характерна для российской экономики в 1990-е годы.

Для российского бизнеса уже на стадии его зарождения были характерны две стратегии развития. Первая сводилась к максимальному дистанцированию от государства, когда бизнес сам решал свои проблемы и сам должен был выживать в борьбе с конкурентами. Вторая же стратегия предполагала тесную интеграцию с государством — в лице его конкретных представителей в госаппарате или в структурах законодательной власти, которые лучше всяких криминальных «крыш» выступали «защитой и опорой» для соответствующего бизнеса в конкурентной борьбе. Вплоть до августа 1998 г. эта вторая стратегия в целом оказывалась более успешной.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Фундаментальной причиной этого, с одной стороны, были перераспределительные функции государства, которые никак не связаны с общественным богатством и которые по определению сохраняются даже в самой бедной стране. С другой стороны, данная стратегия основывалась на том, что в России конкретные чиновники или политики — неподконтрольные обществу в силу отсутствия демократических традиций и институтов — обладали способностью «поворачивать» в нужную сторону потоки финансовых ресурсов, перераспределяемых государством. Это могло происходить и на локально-чиновном уровне (например, в форме «льготной» приватизации в обмен на определенные материальные блага для конкретного лица, принимающего решения), и на глобально-политическом уровне, когда определенные финансовые группы в обмен на поддержку определенных политиков получали возможность держать в своих банках бюджетные деньги или ввозить в страну товары без импортных пошлин или вкладывать свои средства в сверхдоходные ГКО. При этом характерно, что в сравнении с масштабами «поворачиваемых» потоков размер вознаграждения соответствующих чиновников или политиков оказывался весьма и весьма скромным. Тем самым инвестиции в «контракт-отношения» с властью оказывались многократно эффективнее инвестиций в реальный бизнес.

Очевидно, что подобная «рыночная» экономика не могла быть эффективной — не только из-за явных и неявных ограничений со стороны государства на появление новых экономических агентов, но и за счет весьма высоких издержек поддержания «контракт-отношений» между бизнесом и властью, а также в силу самосохранения в экономике менее эффективных предприятий, основывающих свою рыночную стратегию на таких «контракт-отношениях». Тем не менее, при всех потерях для общества и колоссальном расхищении ресурсов страны, данная модель была весьма прибыльна как для конкретных лиц, так и в целом для высших социальных групп, которые сформировались еще в советский период и в течение прошедшего десятилетия лишь укрепили свою власть и влияние. В итоге уже ко второй половине 1990-х годов в экономике и в обществе возникло своеобразное «плохое равновесие» — когда при явной неэффективности существующей системы отсутствовали экономические и политические агенты, заинтересованные в ее изменении. Устойчивость этого «плохого равновесия» послужила основанием для печальной гипотезы о «стационарно переходном» состоянии современной российской экономики (подробнее об этом сказал Р. Капелюшников в своей статье «Где начало того конца?..», см. «Вопросы экономики». 2001. №1).

И все же, на мой взгляд, смутные 1990-е годы не прошли для нас даром, и сейчас — в отличие от времен начала перестройки — в обществе появились социальные группы, потенциально заинтересованные в формировании конкурентной рыночной экономики. Дело в том, что при всей внешней устойчивости система, возникшая за счет перенесения в рыночную среду традиций и обычаев советской номенклатуры, может быть стабильной ровно до тех пор, пока ее общая неэффективность не приведет к серьезным экономическим и социальным потрясениям. Именно к таким системным потрясениям следует отнести валютно-финансовый кризис 1998 г.

Одним из результатов кризиса стали серьезные подвижки в бизнес-элите. Дефолт и девальвация ударили прежде всего по тем предпринимательским структурам, которые ориентировались на тесную интеграцию с государством и в самых разных формах вкладывались в «контракт-отношения» с властью и ее отдельными представителями. В 1999—2000 гг. место бывших «олигархов» в значительной степени заняли те, кто вкладывался в развитие своего бизнеса, в реструктуризацию активов, приобретение нового оборудования, освоение новых рынков. Такая замена стала возможна потому, что при всей деформированности отношений бизнеса и власти и утрате обществом ориентиров развития в 1990-е годы Россия была свободной страной. У нас не было порядка, у нас не было стабильности, но свобода была, особенно в крупных городах, где можно было создать свой бизнес и начать свое дело. И наряду с «олигархами», которые жили за счет государства, жили на обменах между бизнесом и властью, сформировалась прослойка

нового, не допущенного к бюджетным «кормушкам» и потому более конкурентоспособного бизнеса. Именно этот бизнес в 1999—2000 годах получил значимые импульсы для развития.

Другим результатом кризиса — также очень существенным, но в меньшей степени обсуждавшимся широкой публикой — стали подвижки в политической и управленческой элите. Неэффективность экономической политики 1990-х годов, обусловившая кризис, привела к весьма существенным персональным изменениям в госаппарате. В частности, в федеральных ведомствах наверх выдвинулось достаточно много новых людей, занимавших до того средние должности — от начальников отделов до руководителей департаментов. В силу своего статуса раньше они, как правило, не могли принимать самостоятельных решений и поэтому обладали ограниченными возможностями использования в своих частных интересах тех властных полномочий, которые были делегированы им в рамках государственной управленческой иерархии. Именно поэтому объективно они были в меньшей степени интегрированы в сложившуюся систему «контракт-отношений» между бизнесом и властью и, придя в течение последних двух лет на более высокие должности в госаппарате, пока относительно свободны в выборе стратегии поведения.

Именно эти новые группы в бизнесе и в госаппарате в 1990-е годы потенциально были заинтересованы в завершении трансформации и в осуществлении модернизации. Они не боялись конкурентного рынка и конкурентной политической системы, поскольку они были более эффективны и, как показал кризис, более конкурентоспособны. Вместе с тем после прихода во власть или в верхний эшелон отечественного бизнеса перед этими людьми вновь возник выбор: либо ориентироваться на сложившуюся модель взаимоотношений бизнеса и власти, получая при этом ощутимые краткосрочные выгоды и рискуя потерять свой бизнес или свой социальный статус (а вместе с ним и «статусную ренту») после очередного кризиса, либо использовать альтернативную стратегию, которая бы учитывала не только частные, но и общественные интересы, создавая предпосылки для развития бизнеса или карьерного роста соответствующих игроков в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что модернизация экономики и общества возможны лишь в рамках второй стратегии. Однако данная стратегия предполагает изменение «правил игры», сложившихся в 1990-е годы, и в силу этого она будет сталкиваться со значительным сопротивлением со стороны старых групп в бизнесе и в госаппарате, заинтересованных в сохранении этих неписанных правил. Формирование новой модели взаимоотношений между бизнесом и властью в этих условиях будет зависеть от позиции высших федеральных политиков и, прежде всего, самого президента Путина.

Полтора года его фактического нахождения у власти пока позволяют предположить, что он сам — в действиях, а не в лозунгах и декларациях — ориентируется на модель прозрачных для общества отношений бизнеса и власти и создание механизмов конкурентного рынка. Если это действительно так, то с учетом происходящего изменения социальной структуры общества и появления социальной базы для рыночных и демократических реформ у России есть шанс в течение ближайших 10-15 лет успешно провести модернизацию и занять достойное место в ряду других развитых государств.

Вместе с тем я согласен с тем, что говорил Леонид Маркович Григорьев. Мы действительно едем в паровозе, у которого половина колес не работает. Помимо проблем, связанных с формированием адекватной социальной структуры, нужно одновременно менять законы, чинить госаппарат, менять губернаторов и т. д. И успеха здесь можно добиться только при наличии консенсуса между основными социальными группами, группами интересов в рамках общества в отношении того, что мы хотим сделать и куда должны двигаться.

Гутник В.П. У меня два коротких вопроса. Я полностью согласен с тезисом о том, что у нас не было модернизации, а происходила трансформация. Но мне непонятно, в чем состоит принципиальное различие между трансформацией и модернизацией?

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

И второй вопрос. Если я Вас правильно понял, уже появился слабый, пока не очень развитый, но тем не менее социальный слой, который может стать потенциальным двигателем именно модернизации. Даже не основной базой, а скорее иницилирующим элементом модернизации. Правильно я Вас понял?

Яковлев А.А. Да. Этот слой способен стать социальной базой, на которую может опираться власть в борьбе с какими-то группами интересов, которые в существующей социальной структуре заинтересованы в сохранении ситуации 1990-х годов.

В отношении первого вопроса. Модернизация действительно может измеряться темпами экономического роста как конечного результата реформ. Но она включает в себя также достаточно сильные технологические изменения, которых у нас еще не было.

Григорьев Л.М. Я согласен с тем, что насильственные попытки модернизации создают угрозу отката, поэтому и попытался включить в модернизацию адекватную перестройку механизма политической безоткатности.

Масарский М.В. Я по поводу того, что старая номенклатура осталась у власти, слегка потеснив идеологическую составляющую. Она выиграла. Она перестала вздрагивать при слове «обком», исчезли идеологические ограничения. Была статистика, как формировалась новая элита. Только пять процентов, как говорят, появились из-под асфальта. Остальные уже находились при власти. Они просто приватизировали свой статус.

Кстати, в послании Путина появился такой, неожиданный для меня, эвфемизм, явно не им придуманный — «статусная рента». Есть разные эвфемизмы, к примеру, коррупция. А тут статусная рента. Взимание статусной ренты. Это номенклатура придумала для себя.

Ивантер В.В. Мне кажется, что очень важно понять, почему с такой скоростью развалилась эта Система? Настоящей оппозицией режиму был директорский корпус, более того, весь Госплан — это было гнездо оппозиции. Вся проблема в том, что к этому моменту вообще Система никого не устраивала. Во всех кабинетах, начиная с министров, ругали советскую власть.

Это было закрытое общество для простого человека. Что же касается директоров, то они бывали за границей и отлично знали, видели, как все это устроено. Говорят о «несчастливых» научных сотрудниках. Позвольте, но в Институте экономики был спецхран. Вся антисоветская литература переводилась. Чтобы ее читать, нужно было всего лишь написать заявление.

Все всё знали. Вы говорите, что мы не были готовы. А как же получилось, что с момента открытия кооперативов за два года вдруг выяснилось, что есть бизнес-элита. Из кого она вышла? Из комсомольцев. А из кого думаете? Я, например, никогда не был членом партии. Это же конкретная вещь, мне бы это не мешало работать. Есть вещи, которые я не хочу делать. А есть люди, которые хотят руководить и управлять, они, естественно, шли в комсомол, в партию. От них и произошло то, что и должно было произойти. Позвольте, кто такой Гайдар? Комсомольский активист. А вот я, например, не активист, меня из комсомола выгоняли непрерывно. В партию никогда не вступал, да мне и никогда этого не предлагали.

Управляющая элита формируется из людей энергичных. Я всегда утверждал, что если научных сотрудников заменить на профессоров, с экономикой лучше не станет. Тут совсем другой жанр, нужно найти других людей. В этом проблема. Сегодня на что можно надеяться? Экономикой должны управлять люди, которые имеют какой-то опыт управлять собой. Если человек собой управлять не умеет, он, естественно, и с экономикой не справится. В этом я с вами согласен: кадровая революция — абсолютно необходимая вещь.

Что же касается новой элиты, то если ей дать власть, жестко поставив ее в рамки законности, будет и результат, которого мы все ждем. Если же мы будем по-прежнему

по идеологическим принципам подбирать и организовывать кадры (этот — «наш», а этот — «не наш»), ничего хорошего не получится.

Проблема Минфина в чем? Там есть несколько исторических женщин, которые отлично умножают и делают, а все остальное про экономику просто ничего не знают. Люди хорошие, но экономику изучали по учебникам, а это совершенно бессмысленное дело, для управления экономикой абсолютно не нужное. Я вас уверяю, что Березовский ни одного учебника по экономике не прочел, а результат коммерческий — очень высокий.

Толстых В.И. Странное дело, пытаюсь найти ответ, что делать нам сегодня и в этом обществе, мы так серьезно окунулись в советские времена, в прошлое и там ищем искомые ответы. Это интересный сдвиг в разговоре, на мой взгляд, очень продуктивный. От прошлого сразу далеко не уйдешь и его не перепрыгнешь.

Яковлев А.А. Я хотел бы продолжить тему исторической аналогии Масарского. Его очень интересные примеры с опричниной и с предвоенной ситуацией со Сталиным. Проблема тут упирается в тот же самый вопрос социальной структуры. Опричнина нужна была Ивану Грозному отнюдь не только как войско, а как некая социальная опора режиму, которую он противопоставлял всем остальным. И в этом смысле их военная квалификация его волновала во вторую очередь. Ему нужны были, так сказать, лично преданные люди.

О Сталине. Безусловно, самую печальную роль в нашем поражении в начале войны сыграло то самое вырезание командного состава, которое происходило в конце 30-х годов. Это была достаточно сильная и творческая часть элиты, способная противостоять Сталину. И ему в данной ситуации было выгоднее ослабить армию, ослабить страну, но сохранить собственную власть.

Теперь по поводу замечания о нашем интересе к прошлому. Действительно, одна из ключевых проблем 90-х годов состояла в том, что поменялись цвета, но не изменилось восприятие самой истории. В советское время все до 1917-го г. было черное, а после 1917-го — белое. Потом, при том же черно-белом подходе пришли к обратной картинке. Все, что было до 17-го года — белое, а после 17-го — черное. Между тем жизнь — цветная. До тех пор, пока мы этого не поймем, не будем учитывать собственную историю, и уважать ее на самом деле, чего у нас, к сожалению, до сих пор не было, мы жить нормально не будем. Ни одна нация, ни один народ не может жить без собственной истории, строить себя и развиваться.

В отношении того, что уже было сказано о Китае. На мой взгляд, у нас и не могло быть того, что получилось в Китае. Хотя бы потому, что в Китае этот строй существовал меньше 40 лет, а у нас — уже 70 лет. И потому, что совершенно другой была структура социальной элиты. Я исхожу из того, что плановая экономика, — а это был глобальный исторический эксперимент, — могла существовать только при условии, что внизу есть энтузиазм и есть идеология, которой в условиях информационно закрытого общества руководствуются массы, и, одновременно, очень жесткий, репрессивный механизм наверху. Мы уже говорили, что репрессивные механизмы постепенно разрушались по мере того, как формировалась элита, формировался аппарат. У нас, к сожалению, слишком долгим был период, когда аппарат мог консолидироваться и мог постепенно снимать один за другим эти механизмы давления и репрессии, идущие из единого центра. А в Китае не было такой коррозии государства, которая у нас уже была в конце 70-х — начале 80-х годов, и он смог сохранить некую целостность. Высшей степени цинизм у высших чиновников, у тех же директоров, о которых говорил академик Ивантер, может быть вполне наглядной иллюстрацией моим мыслям. Напомню, что в Китае культурная революция совершалась под идеологическими лозунгами, и к власти приходили новые люди, имевшие некую общественную идеологию. А у нас в конце 80-х нашим партийно-хозяйственным аппаратом никакая общественная идеология уже не руководила. Люди

руководствовались сугубо частными интересами, лишь прикрываясь определенными идеологическими лозунгами.

Россия нуждается в европеизации

Гутник В.П. Несмотря на то, что дискуссия наша приобретает все новые и новые повороты, я попробую все-таки вернуться к основной теме «Модернизация и российские альтернативы», а также откликнуться на некоторые прозвучавшие здесь соображения.

Я когда-то давно, наверное в 1994-м году, первый раз участвовал в проекте, который был посвящен опыту модернизации, и тогда уже столкнулся с проблемой определения, что такое модернизация, что мы под этим подразумеваем. Любые ли изменения общественные, политические, экономические можно называть модернизацией? Любая ли трансформация строя является модернизацией? Нужно сказать, что до сих пор я не пришел к точному разграничению этих двух процессов и считаю, что их нужно, наверное, разграничить, но это очень и очень условное занятие. Тем не менее, в последнее время, буквально в течение последнего года я столкнулся с массивом нашей российской литературы, в котором модернизация трактуется как прорыв в постиндустриальное, гуманитарное, новое цивилизационное общество. И это связывается с принципиальным изменением самой экономической структуры: либо это выход в постэкономическое пространство (как любят говорить А. Бузгалин и А. Калганов), либо это некий прорыв (как у Ю. Яковца) в постмодерновую, интегральную, социокультурную цивилизацию и т. д., и т. п. На мой взгляд, это нечто фантастическое, нечто из области утопии, из области может быть очень красивых конструкций, но которые к нашей сегодняшней реальной жизни имеют очень отдаленное отношение. Мне кажется, что строить саму стратегию модернизации на этой основе было бы ошибочно.

Я также считаю, что и новый тезис нашего премьер-министра о том, что мы должны выйти на мировой рынок с высокотехнологической продукцией, тоже немножечко из этой же серии. Осуществить участие России в международном разделении труда, да с новыми высокотехнологическими продуктами, конечно, было бы хорошо. Но вопрос в том, на какой основе мы будем создавать эту высокотехнологическую базу, стремясь выйти на мировой рынок? Не получится ли так, что в погоне за постмодерном, постиндустриализмом и какими-то интегральными социокультурными цивилизациями мы как раз и уйдем от строительства той нормальной, устойчивой и устраивающей большинство населения структуры, которая бы обеспечила безоткатное постепенное улучшение ситуации в будущем.

В этой связи мне хотелось бы выдвинуть тезис, что модернизация — это не только обеспечение устойчивого экономического роста путем обновления его технологической базы, но это, прежде всего, качественное обновление институциональной основы общества. Это — установление новых правил, которые и помогают обеспечивать устойчивое экономическое и социальное развитие. Но здесь есть проблемы, о чем уже говорил Марк Вениаминович, которая заключается в том, что реформирование институциональной основы часто приводит к ее деформации, когда, условно говоря, берут старые правила и постепенно их улучшают. Скажем, вот это правило действует плохо, давайте мы его улучшим. Оказывается, что улучшенное правило не действует вообще, сталкиваясь с остающимися старыми правилами. Так произошло с реформами конца 80-х годов, в частности, с Законом о социалистическом предприятии. Этот закон, который вроде бы должен был действовать достаточно эффективно, столкнулся с тем, что новые правила вводились в старую институциональную среду, и эти новые правила оказывались еще хуже, чем старые советские. Вводимый механизм достаточной свободы для управляющих кадров предприятий при отсутствии механизмов имущественной ответственности и не мог эффективно работать.

В то же время я согласен с тем, что экономическая оппозиция у нас в стране была достаточно развита. Я вспоминаю мой разговор с директором комбината Орехово-Зуевской мануфактуры (бывшей Николаевской) в начале 86-го года, когда велась активная работа по внедрению полного (или подлинного) хозрасчета на предприятиях, и группа экономистов пыталась заработать какие-то деньги путем консультирования директоров предприятий о том, что такое подлинный хозрасчет. И в неформальной обстановке директор сказал, что нам от вас никакой помощи не нужно. Вы лучше взорвите Министерство текстильной промышленности. Вот если вы его взорвете, тогда мы начнем работать нормально. Вот где — наша главная болезнь.

Осознание того, что старые механизмы работают неэффективно, уже было, но понимания, какую новую институциональную систему нужно вводить, еще не было, и не только в 80-е, но и в начале 90-х годов. И в этом, мне кажется, была самая большая проблема правительства Гайдара. Его попытки ввести новые макроэкономические регуляторы, которые, может быть, очень хорошо и правильно работают в рыночной экономике, но становятся, скажем мягко, большими проблемами в условиях трансформации, в условиях, когда рыночные институты не работают, привели к обратным результатам. Ведь та же самая либерализация цен или либерализация внешней торговли — это совершенно правильные меры, если есть нормальная институциональная основа.

Я вспоминаю дискуссию с Леонидом Марковичем в конце 1990 г. о том, что нужно проводить сначала — коммерциализацию или приватизацию предприятий? Ты тогда сказал, что приватизации у нас вообще никогда не будет, потому что ее в принципе быть не может. И самое лучшее, что мы сейчас можем сделать, это, так сказать, подготовить навоз на удобрение для будущих реформ.

Действительно возник вопрос, как и какие предприятия мы приватизируем. То есть, являются ли эти предприятия в результате приватизации предприятиями коммерческими, а не просто государственными учреждениями, какими они были в тот период. Этот вопрос и сейчас достаточно спорный, как надо было бы тогда поступить, но то, что приватизация была оторвана от других институциональных преобразований, это, по моему, бесспорный факт. И весь радикальный либерализм гайдаровских реформ сводился к тому, что проводились только отдельные точечные меры. Они были для общества на виду, но это не значит, что проводилась радикальная реформа системы. Системную трансформацию, при всей своей радикальности, правительство Гайдара тогда не смогло запустить, ограничившись точечным изменением каких-то правил и законов. С какой целью это делалось, сейчас трудно сказать. По одной версии правительству тогда просто не дали возможность работать системно, по другой версии — у них просто не было времени. И как мне говорил один из работников тогдашнего правительства: «мы занимались не концептуальной проработкой реформ, а движением разгрузки судов в Новороссийском порту, чтобы снабдить население предметами первой необходимости». Но мне кажется, что с самого начала реформы конца 91-го и начала 92-го годов, когда уже было сформировано правительство, изменение экономической структуры не стало первоочередной задачей. Главное было — изменение политической структуры. И это сильно помешало в дальнейшем развитию экономической реформы: политические приоритеты постоянно отодвигали задачу экономической трансформации, что проявилось и в ходе приватизации 92-94 годов.

Каким образом можно, на мой взгляд, сейчас перейти на рельсы институциональной модернизации? Мне кажется, что сейчас для России очень важно сделать наконец-то политический выбор. Ведь все предшествующее 10-летие, к большому сожалению, свелось к тому, что наше руководство то ли опасалось, то ли не считало нужным сделать однозначный выбор пути и модели развития. Были какие-то абстрактные разговоры о том, что вот мы движемся в сторону рыночного, демократического, правового государства. Но — не более чем декларация. Под выбором я подразумеваю наличие достаточно четкой концепции.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Причем это должна быть не программа правительства или какая-то технологическая программа мер, что нужно делать, а именно обоснованная концепция того образа, как Леонид Маркович уже сказал, какое мы государство и общество сейчас имеем, и к какому государству или обществу мы должны перейти. Мы должны создать образ этого общества, может быть, даже идеальный образ, причем его должны создавать не нынешние члены правительства или Государственной Думы и т. д. Лучше всего это сделают ученые, и этот образ воспринимался бы как, я не хотел бы употреблять термин «национальная идея», но как консенсусная стратегия или модель модернизации. И затем, уже на базе этой концепции, можно создавать конкретные программы преобразований, законопроекты. Они должны быть взаимоувязаны, дополняя и обогащая друг друга. Сейчас, казалось бы, разрабатывается и принимается огромное количество законов, но без взаимоувязки, с точки зрения того, что что-то горит и нужно срочно затыкать очередную дыру.

Вот почему я и выдвинул свой тезис о том, что процесс модернизации может и должен быть процессом европеизации России, т. е. отказом от идеи того, что у нас якобы свой особый евро-азиатский или евразийский путь развития — идея, которая опять стала достаточно популярной. В одной интернетовской газете (не далее как вчера) я прочитал статью под заглавием «Говорим Евразия — подозреваем Путин!».

Я думаю, что это очередная попытка отказаться от четкого, ясного и конкретного выбора. Под европеизацией России я вовсе не предполагаю перенесение на Россию некой европейской модели, будь то Франция, как предлагает Леонид Маркович, или Германия, в чем всегда упрекают меня. Меня убеждают в том, что модель европейского государства или европейская модель для нас вообще не годится. Но дело не в том, что мы должны взять напрокат, скажем, французскую или немецкую модель, а в том, что мы должны создавать российскую модель по принципам, характерным для европейской политической, общественной, экономической и социально-политической культуры. Потому что развитие российской и европейской культуры все-таки в основе и сути своей совпадает. Российский и европейский менталитет намного ближе друг другу, и во всяком случае европейский гораздо ближе нам, чем китайский или даже американский.

Я сейчас не буду это доказывать. Хочу только сказать, что при наличии ясного выбора создание работающей институциональной среды (то, что мы называем менталитетом или общественной поддержкой) действительно может произойти очень быстро. Говорят, что наш народ никогда не жил в условиях рыночной экономики, и поэтому рыночный менталитет нам чужд. А то, что появилось в начале 90-х годов, это лишь проявление определенной небольшой группы либо тех же комсомольских работников, либо неких криминальных элементов. На самом деле, мне кажется, это совершенно не так. Рыночный менталитет или стремление к рыночному поведению в русском народе достаточно широко развито, но придушено чуждой им институциональной средой.

Я могу сослаться на несколько фактов. Возьмем 50-е — 60-е годы. Вспомним, какая была тогда борьба Никиты Сергеевича против частных подсобных хозяйств. Я был тогда еще совсем молодой, но хорошо помню, к каким ухищрениям прибегали наши мелкие ремесленные производители для того, чтобы спасти свое производство, как маскировали пошив тапочек или фартучков, ухитрялись все-таки выходить на рынок и торговать. Эта базарная, нерыночная, частная предпринимательская экономика кормила в тот период почти 40, если не больше, процентов населения, особенно в сельской местности.

То, что мы сейчас называем «серой экономикой», даже в советские времена было достаточно развито на уровне индивидуального, семейного производства. Другое дело, что это было нелегально, это давилось и т. д. Мне кажется, что и сейчас предпринимательский дух у русского населения придушен, не только налогами, но и вообще чуждой институциональной средой для предпринимательства. И если создать нормальную среду, то расцвет будет быстрый, даже без всяких капиталовложений с Запада или каких-то технологических прорывов.

В заключение я хотел бы сказать, что самая большая проблема — это проблема того, кто будет эти институциональные реформы осуществлять. Смогут ли Греф или Путин инициировать этот процесс, это не самый важный вопрос. Самое важное — останется ли идея институциональных преобразований живой после того, как начнет осуществляться на деле, не будет ли она придушена средним управленческим, бюрократическим звеном, которое способно даже самую хорошую идею выхолостить и превратить в нечто совершенно противоположное.

Поэтому, кстати, идея дебиюкратизации и дерегулирования экономики, которая сейчас возникла с очень большим опозданием, является только первым шагом на пути к тому, чтобы отстранить бюрократию от конкретного управления предпринимательскими процессами и сосредоточиться на регулировании и соблюдении неких общих условий и правил жизнедеятельности общества. Недавно у нас в Институте состоялась дискуссия о том, какое государство нам нужно — сильное или все-таки государство с ограниченными функциями, условно говоря, слабое государство? Можно совершенно точно сказать, что чем слабее государство, тем оно больше вмешивается и пытается выполнять те функции, которые ему не присущи.

А вот сильное государство, но ограниченное как раз основной своей задачей, как в тезисах сформулировано у Леонида Марковича, «государство-реформатор», которое не вмешивается в текущие процессы экономики, такое государство еще должно возникнуть. К сожалению, в отличие от Андрея Александровича, я пока не вижу того социального слоя, не групп или отдельных личностей, а именно слоя, который готов это воплотить. И это самая большая проблема, по-моему, ближайших 10-20 лет.

Ивантер В.В. По поводу бюрократов и бюрократизации. Когда появилась идея регулирования экономики, меня она стала раздражать по той простой причине, что для того, чтобы заниматься регулированием, надо уметь регулировать. А людей таких крайне мало. Зато у нас есть бюрократизация, причем дикая, бессмысленная и унижительная. Я, как известно, руковожу институтом, и мог бы много рассказать, как это выглядит на практике.

Сейчас объявлена комиссия по дебиюкратизации, но при этом дебиюкратизация существует сама по себе, а бюрократизация — сама по себе. Казалось бы, это разные процессы, но проводятся они одними и теми же людьми. Министр финансов у нас один, а в Минфине есть отдел по дебиюкратизации и отдел по бюрократизации, вроде как разведка и контрразведка. И тем самым проблема становится вечной. И неизвестно, много ли мы выиграли от так называемой дебиюкратизации. Я бы даже сказал так: если общество хочет выиграть, оно должно бороться с дебиюкратизацией.

Федотова В.Г. Мне кажется, что мы не совсем правильно этот термин «бюрократ» употребляем, потому что бюрократ — это человек, действующий силой стола, то есть общих правил. А у нас действует чиновничий произвол. То есть нам не хватает нормальной бюрократии — той, которая бы могла согласно правилам решать проблемы. И вот это имеет отношение к теории модернизации, потому что она предполагает, что производится бюрократ — тот, кто действует по правилам.

Толстых В.И. Это к тому же и проблема непрофессионализма. Скажем, какая функция у журналиста? Журналист должен информировать, а он хочет еще и толковать. Бюрократ должен просто неукоснительно исполнять правила, а он хочет еще и учить, командовать.

Городецкий А.Е. Очень важная тема. Здесь есть две исходные идеи, которые как бы запустили маховик нового бюрократизма. Одна — это идея Гавриила Харитоновича Попова насчет того, что чиновникам за услуги надо платить открыто, чтобы они взятку не брали. Но похоже, сколько им легально зарплату ни повышай, несмотря на обеспечение всевозможными льготами, взятка остается самостоятельным доходным фактором и

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

определяется как терпимостью общества к этому источнику коррупции, так и уровнем дохода и стандартами жизни в высших бизнес-элитах.

Толстых В.И. Попов, помню, писал или говорил, что это не взятка, а деловое соглашение партнеров.

Городецкий А.Е. Вот эта самая идеологема «делового соглашения» запущена и безотказно работает на коррупцию, криминал, распродажу национальных интересов и национальных секретов. А вторая идеологема уже современного происхождения. Она провозглашает тезис о принципиальной невозможности бороться с бюрократизмом, коррупцией и криминалом в среде государственного чиновничества и, в качестве выхода, предлагает вывести государство из экономики вообще. Ставится принципиальное равенство между бюрократизмом и коррупцией, с одной стороны, и государственным регулированием экономики — с другой. Неспособность и нежелание политической власти и высшего истеблишмента препятствовать и искоренять данные, разъедающие общество явления, получают моральное оправдание. Политическую санкцию получают дальнейшие тупиковые либеральные эксперименты по дерегулированию экономики и возведению рынка в абсолют.

Но проходит некоторое время и начинается обратный процесс. Кризисные явления то в одном, то в другом сегменте рынка ведут сначала к частным, несистемным решениям в области мер администрирования и регулирования, которые в конечном итоге выводят на требование системных мер по восстановлению инфраструктуры государственного регулирования. Естественно, с неизбежными издержками и эффектами упущенного времени.

Я помню, как Борис Захарович Мильнер пять лет назад привез из Америки материалы по административным реформам в структуре аппарата государственной власти. В чем был смысл и пафос этих реформ? — Во введении очень разветвленной, обширной, чрезвычайно жесткой и регламентированной системы стандартов, правил, норм и технологий деятельности аппарата, но с одной принципиально важной чертой. В основу кодекса работы государственного аппарата заложена идея о том, что общество нанимает государство на работу, что между ними заключается некий контракт. В этой ситуации в принципе невозможны какие-либо допущения о праве чиновничества на какие-либо «частные деловые соглашения» с бизнесом, частными лицами. Неэффективность политической власти и административного аппарата ведет не к отмене их регулирующих функций, а к смене соответствующих администраций в ходе легитимных выборов, изменениям в составе каждого конкретного правительства. Инструментарий жесткой регламентации, о котором речь шла выше, — это и есть тот механизм контроля обществом государства, самоконтроля государства за эффективностью, прозрачностью и честностью власти. Поэтому, безусловно, прав академик В.В. Ивантер, говоря о недопустимости смещения дебюрократизации и дерегулирования. Дерегулирование в том виде, как оно предполагается сегодня, лишь отсекает определенные слои средней и мелкой бюрократии от «пирога» и поднимет на недостижимую высоту бюрократические элиты, чья деятельность связана с принятием высших политических и экономических решений. Вообще, не покидает подозрение, что нынешняя фаза борьбы с государственным регулированием очень хорошо вписывается в контекст бурно протекающих процессов внутриэлитных перераспределений собственности и власти в период незавершенного эльцинизма.

Григорьев Л.М. Меня интересует вопрос субъекта модернизации управления. Я думаю, что мы как бы должны отражать реалии организации РСПП, нового президиума и т. д. Это не только ответ на попытку власти дистанцироваться от бизнеса в новых условиях, от прямого лоббизма. Это — достаточно серьезная попытка крупной буржуазии выработать свою экономическую политику. И если правительство — это (по Ленину) комитет по управлению делами буржуазии, то, конечно, новая программа, нет ни малейшего

сомнения, отражает интересы ряда групп бизнеса достаточно прямо. Это нормально для такой эпохи.

К вопросу о реформах. Я считаю, что у нас термин «либерализм» нередко неправильно используется, в том числе министром экономического развития г-ном Грефом — человеком очень целеустремленным. Дело в том, что либерализм — это борьба с избыточным регулированием государства в условиях нормально функционирующих рынков. Надо снять гирю с ног работающего бизнеса. Не обязательно говорить о том, что государство должно вмешиваться или не должно вмешиваться. Но мы должны отделять четко роль государства, как текущего регулятора, установителя законов, от государства-преобразователя, временно проводящего реформы или вводящего эти правила. Это две совершенно разные функции. Поэтому дерегулирование как снятие избыточного регулирования — дебиюрократизации, где снижается число сертификатов чего-то там ненужного, — это разумно. Но это совершенно не дебиюрократизация в смысле ликвидации чиновничества.

Что нужно, чтобы покончить с бюрократизацией? В свое время я придумал одну штуку, она называется «норма соблазна». Норма соблазна измеряется отношением зарплаты в частном секторе к зарплате в государственном секторе в той же стране за сходные виды деятельности. В Америке это измеряется элементарно. Вы берете зарплату начальника департамента федерального резервного банка и зарплату аналогичной позиции в частном банке. Это будет — полтора раза в пользу частного на уровне начальников департамента. В Восточной Европе чиновники, регулирующие бизнес, имеют в 2—3 раза меньше, чем бизнесмены. Это уже серьезный источник соблазна. Коррупция есть и в Соединенных Штатах, мало кто без греха. Мы перед кризисом дошли, по-моему, до нормы 20, а после кризиса сехали где-то до 10—15. Вот эта огромная норма. Хорошо, чтобы кто-нибудь это подсчитал.

В ситуации, когда мы имеем фактор 10, мы получаем либо тяжелейшую коррупцию, фактически приватизацию своей государственной деятельности, например, такое новое явление, упускаемое из виду и за этим столом, как делегирование бизнесом людей на государственную службу с сохранением за ними доходов «по прежнему месту работы», как говорилось в свое время. Вот так происходит выращивание бюрократа. При такой норме соблазна некие эффекты почти неизбежны, они устраняются трудно, посредством административной реформы и экономического роста. Как только осознаем, что с этим будем жить все ближайшее время, сделаем важный вывод. Нам хорошо бы, конечно, на Европу быть похожими, но надо ясно осознавать, что за последние два года мы сделали колоссальный и, может быть, решающий шаг в сторону Латинской Америки, а не Европы.

Мы промахнулись через Атлантику, переменяли полушарие вниз. В Мексике институционально-революционная партия, при полном соблюдении выборов и демократии, контролировала правительство с первой мировой войны — в течение 80 лет, дольше, чем КПСС. Латиноамериканская социал-демократия — это полное соблюдение внешних норм при очень сильном преобразовании как бы неформального центра власти между какой-то партией или несколькими партиями (это безразлично) и стоящими за ними финансовыми группами, представляющими их интересы в правительстве чиновниками, кадровыми и выбираемыми. Я думаю, что мы промахнулись огромный исторический этап за 90-е годы. И если сказать кратко, то ошибка либерализма заключается в одной фразе — что рынок все решит сам.

Толстых В.И. Лично я не против идеи европеизации в России. Тут дело не в личных предпочтениях, вкусах, а в сути дела. Я исхожу из того, что наша культура европейская по своей сущности и природе. Я далек от какой-либо фетишизации евразийской идеи и ценностей, не буду, как Дугин или еще кто-нибудь, доказывать, что в евразийстве — вся суть России. Но как при этом не считаться с тем непреложным фактом, что по местоположению своему, геополитически Россия — это не только Европа, но и Азия, что мы находимся между Польшей и Китаем, между Германией и Японией, и страна

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

эта одновременно и православная (христианская) и туранская (мусульманская). Как совмещаете вы свое жесткое настаивание на идее европеизации с евразийской природой самой России?

Гутник В.П. Я очень кратко выскажу одну крамольную мысль, за которую меня уже один раз очень сильно ругали, критиковали, и обзывали бжезинскианцем. Я когда-то высказал такую идею (это был 94-й или 95-й год), что в России надо проводить не единую реформу, не единую модернизацию, а совокупность модернизаций, причем, для отдельных регионов выбирая собственную модель. Меня сразу обвинили: что это призыв к сепаратизму, расколу нации, распаду государства и т. д. Более того, когда-то я высказал такую совершенно, на мой взгляд, здравую идею о необходимости глубокой финансовой реформы и перехода к бюджетному федерализму, построенному по тому же субсидиарному принципу, с максимальной финансовой самостоятельностью регионов и использованием, однако, рычагов вертикального и горизонтального финансового выравнивания по немецкому образцу. Меня тоже обвинили в призыве к сепаратизму, заявив, что только централизованная финансовая власть сдерживает сейчас Россию. И если дать финансовую самостоятельность регионам, то от единой России ничего не останется.

В этой связи, как мне представляется, нынешняя политика игнорирования совершенно разных задач развития, предположим, в Восточной Сибири, на Камчатке, Дальнем Востоке и в Европейской части, и попытка найти какую-то единую структуру в построении единого метода хозяйственного управления, регулирования хозяйственной деятельностью приведут к подрыву эффективности и в том, и в другом случае. Если вернуться к вопросу о приватизации, то, мне кажется, даже приватизацию в европейской части в крупных городах и в азиатской части России нужно было бы проводить по-разному.

Конечно, я понимаю, что такая точка зрения достаточно рискованная и это скорее гипотеза, предположение о возможности такого варианта реформ. Поэтому не буду ни в коей степени настаивать на том, что такой вариант является наиболее правильным и эффективным. Однако, убежден, что, если мы переведем всю страну на особый евразийский путь модернизации, с вариантом сильного государства-контролера всех экономических процессов, может получиться так, что попытка нахождения баланса между Европой и Азией будет разрушать и первое, и второе начало, и не получится ни азиатского, ни европейского варианта. Между тем, как европеизация модернизационного процесса, в том числе и процесса выработки новой социально-экономической политики, обнаружит, насколько идея европеизации пригодна для территории за Уралом и для мусульманских республик.

Толстых В.И. А как вы понимаете знаменитую формулу Пушкина: «Войти в Европу, и остаться Россией»? Я на слово «остаться» обращаю внимание.

Гутник В.П. Вот здесь, кстати, никаких проблем нет. Уже говорили, что нет государств не уникальных. Любое государство уникальное. Вы посмотрите, что делается в Европе? Несмотря на процесс интеграции, несмотря на превращение, как кто-то очень остроумно выразился, цветущего ландшафта альпийских лугов в однообразное рапсовое поле, что происходит на территории Европы, своеобразие отдельных национальных государств сохраняется. Германия не перестает быть Германией. Это своеобразие сохраняется, несмотря на мощные объединительные процессы и конвергенцию системы. Для России это проще сделать, потому что у России есть собственные традиции переработки европейского опыта, его освоения. Важно не просто взять готовый опыт и внедрить его на российскую почву, а на основе этого опыта выработать как раз российскую европейскую модель развития.

Федотова В.Г. Лично мне кажется, что наличие евразийского ракурса или аспекта интерпретации российского опыта еще не дает возможности говорить о нем, как об осо-

бом пути. К тому же евразийство толкуют совершенно по-разному. Например, для Назарбаева евразийство — это возможность азиатской стране Казахстану сблизиться с Европой. Для классических евразийцев (Карсавина и прочих), которые изобрели этот термин, СССР был воплощением евразийства. Евразийство — это весьма неопределенный термин. В то время как модернизация предполагает вполне определенное представление о том, что западные страны могут взять в качестве модели западный образец. При этом они, догоняя его, стремясь к нему и пытаясь его воплотить, никогда не достигнут точного вхождения в Запад. Вообще в Запад-то мало кто может войти. Германии пришлось пережить две мировые войны, чтобы стать частью Запада, несмотря на то, что географически она была на Западе. Поэтому здесь противоречия никакого нет. Я как раз очень удовлетворена тем, что Владимир Петрович рассуждает в полном соответствии с теорией модернизации. И совершенно прав в том, что никакие эндогенные внутренние факторы не могут привести Россию к капитализму западного типа.

Несколько слов еще об одной иллюзии — ждут нас там или там. Я делала в ЮНЕСКО доклад о влиянии локальных трансформаций на глобальные и сказала, что мы — «другая Европа». Они сказали: «Ой, как здорово, что вы не сказали, что Россия — это Запад». Им настолько понравилась идея, что Россия — не Запад, что я ездила по линии ЮНЕСКО в Индию, где тоже говорила о том, что мы «другая Европа». На что мне все представители азиатских регионов сказали (там было заседание азиатских научных советов по социальным наукам): «Как хорошо, что вы не сказали, что вы — Восток». Наше положение «моста», безусловно, создает проблему разных ракурсов интерпретации при решении разных проблем, но при выборе модернизационной стратегии мы тоже, безусловно, опираемся на какие-то западные образцы.

Григорьев Л.М. Про Европу не могу умолчать. Первое и самое главное — нас в школе обучают как европейцев. В 5-м классе меня учили законам Гракхов. Мы и по литературе полностью внутри европейского мейнстрима. Североамериканская литература приходит к нам больше через детективы, а Европа представлена у нас Диккенсом, Бальзаком и т. д., у нас русская и классическая европейская литература. Даже современная латиноамериканская литература для нас — это уже экзотика. Второе. Я бы согласился с Гутником, что мы должны не мучиться и чувствовать себя европейцами. Своеобразия своего азиатского мы никак не потеряем, ибо, в отличие от французов, у нас совершенно другая история. Никуда в Европу мы не провалимся и Азию в себе не потеряем.

И последнее. О чем мы подсознательно умалчиваем, а на деле это нас мучает, когда мы пытаемся понять, в Европе мы или в Азии. Суть дела — во взаимоотношениях общества и власти. Если мы европейцы, то мы независимые люди, свободные от рабства по отношению к государю, президенту или к кому угодно. Мы не боимся, что нас выгонят с работы из-за того, что мы не легли мордой в ковер очередного начальника, или сделали еще что-нибудь в этом роде. Потому что мы ведем себя как европейцы, как члены гражданского общества. И государь, которого мы выбрали на некоторое время, он, конечно, на нас влияет, но в принципе мы его рано или поздно переменяем. Или, избрав человека, мы тут же начинаем обсуждать, как нам поменять Конституцию, чтобы избирать его всегда. Поэтому проблема евразийства в нас — это проблема истребления в себе раба азиатского.

Толстых В.И. Вопрос к вам, Леонид Маркович. Скажите, почему мы так хорошо, так быстро усваиваем все плохое, что идет к нам с Запада? И почему так мучительно медленно, нехотя перенимаем и усваиваем хорошее?

Григорьев Л.М. Я думаю, что мы переоцениваем трагизм переходного периода и недооцениваем уже идущий процесс формирования разумного поведения на ближайший период. Думаю, что даже в том, что мы наблюдаем сейчас, в момент перехода от «блуждающих» к «стационарным бандитам», по М. Олсону, мы просто находимся на рубеже этих процессов. Я думаю, что много чего за 1990-е годы мы уже усвоили, причем усвоили вполне разумные вещи, но уж очень тяжело прошли эти 10 лет, и это понятно. Так

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

что я не являюсь пессимистом в отношении того, что с нами будет происходить в ближайшие 20 лет, даже если мы с вами ничего грандиозного сегодня не придумаем.

Федотова В.Г. На сей раз я согласна с Леонидом Марковичем. В свое время лидер турков Ататюрк произносил длинные речи о модернизации, в которых все время был пункт «цивилизованности», «цивилизации». И когда его спросили, что имеется в виду под цивилизацией, он ответил: чтобы человек уважал человека. Это как раз то, что вы называете европейским началом или европеизацией.

Почему передается плохое? Приведу пример. Зинченко исследовал, что в русской школе 100 % учеников на вопрос: дадите ли вы списывать товарищу? Отвечают: конечно же, это же товарищество. 100 % американцев отвечают: нет, это воровство. Я знаю американского мальчика Ваню, который поехал к бабушке в Севастополь, и узнал, что в русской школе списывают, научил затем списывать всю американскую школу. Вопрос в том, почему он не научил русскую школу не списывать? Да потому что это проще.

Гутник В.П. Маленькая реплика по поводу восприятия хорошего или плохого. Дело в том, что, как мне кажется, мы не так уж много восприняли плохих элементов Запада в этот 10-летний период, и скорее всего это трансформация наших плохих качеств, которая под влиянием этой вестернизации просто усилилась. У меня такое впечатление, что мы даже в какой-то степени имеем сейчас положительный баланс, и одним из доказательств этого является достаточно спокойная социальная обстановка в стране в течение всех десяти лет. Несмотря на такой, казалось бы, тяжелый экономический и социальный кризис: невыплаты зарплаты, голод, холод и т. д. В какой-то степени это показывает, что на деле не так уж все плохо и получилось. На самом деле адаптация наша к новым условиям прошла существенно быстрее и глаже, чем тогда ожидалось. Последний опрос ВЦИОМа, который я вчера прочитал в Интернете. Более половины населения России считает, что жизненные условия сейчас плохие, очень плохие или близки к плохим. И более половины при этом считают, что они адаптировались к новым условиям. Мне кажется, что мы не очень хорошо знаем реальную ситуацию, в том числе на периферии, в регионах, даже на той же Камчатке или в Приморье. По крайней мере, мои немногочисленные поездки в провинцию привели меня в шок от того, что ситуация там оказалась существенно лучше, чем это описывается в газетах.

Нам надо сосредоточиться на себе

Зарубина Н.Н. Я с большим интересом следила за дискуссией, вслушиваясь в дискурс и семантику уважаемых экономистов, которые рассматривают модернизацию под своим углом зрения. А сейчас мне повезло, и я имею возможность продолжить только что начатый разговор относительно русской культуры и ее способности воспринять, поддержать и продолжить тот или иной проект модернизации. Тут мы имеем дело с определенной традицией, которую надо постоянно иметь в виду и учитывать. Наша история это очень хорошо показывает. Когда мы начинаем осуществлять модернизацию, следуя какому-либо образцу или модели, воспринятой извне, то, как правило, происходят внешне интенсивные изменения и заметные сдвиги, как, например, в ходе петровской модернизации. Но затем общество раскалывается на элиту, которая смогла модернизироваться, встроиться в струю перемен и вместе с преобразователем Петром тащит этот воз вверх, и на массу населения, которая остается внизу, в болоте, и хорошо, если при этом не тащит этот самый воз еще и назад.

Подобный раскол, я думаю, произошел и сейчас, в ходе обсуждения перспектив нашей теперешней модернизации. Вот Виктор Викторович Ивантер в самом начале сказал: «полно, у нас все не так уж плохо, горит свет, мы все позавтракали, все сюда добрались с большим или меньшим комфортом». Но ведь провинция российская живет

по-разному. Есть регионы, которые действительно процветают, и уровень жизни в них даже выше, чем в Москве. Это нефтяные регионы. И есть провинция, которая упала в XVIII век, когда другие переходят в XXI-й. Ясно, что этот раскол должен быть преодолен, без чего дальнейшее движение просто невозможно.

Все с удовольствием вспоминают о своих поездках в Китай, и я тоже позволю себе вспомнить, что я там в прошлом году наблюдала. Бросается в глаза — все развивается, все движется. Вот образ: насыщенные движением китайские улицы, где все едут: кто-то на джипе, кто-то на велосипеде или тащит за собой телегу, груженую выращенными овощами, которые везут на рынок. Все двигаются. Это страна, где преобразования в большей или меньшей степени затронули самую толщу населения.

У нас, к сожалению, реформы затронули лишь какие-то отдельные фрагменты и отдельные анклавы общества. Сформировались элиты, преимущественно прозападные (они такие со времен Петра I и также «страшно далеки от народа», как в прошлом). Можно ли в условиях глубочайшего раскола внутри общества говорить о модернизации, об успешном модернизационном проекте? Я думаю, что нет, и пока какой-то консенсус не будет сформирован, никакой модернизационный проект реализовать не удастся. Модернизация всегда сопряжена с насилием, но и здесь есть свои пределы. Необходимо общественное согласие, которого сейчас нет. Вот так я бы ответила на поставленный перед нами вопрос — что делать?

В своем выступлении Масарский затронул острейший вопрос: как примирить богатых и бедных? Ведь даже в случае успешной модернизации, как в том же Китае, все равно есть и будет какое-то социальное расслоение. Это неминуемо. Но это социальное расслоение возможно только в рамках некоего приемлемого для всех консенсуса. Марк Вениаминович говорил об институциональном обеспечении консенсуса, а мне кажется, что еще более важное значение имеют социокультурные факторы, что, кстати, подтверждает история успешно модернизовавшегося Запада, где модернизация началась с духовной реформации.

Поэтому для меня вопрос о нашей модернизации это не столько вопрос о выборе модели, сколько вопрос о нашем самоулублении, нашей внутренней рефлексии. Нам стоило бы немножко остановиться и серьезно задуматься — что делаем и куда устремились? Китайцам хорошо: во-первых, у них есть Великая китайская стена и, во-вторых, есть историософская традиция, которая дистанцирует их от всего остального мира. Это позволяет им сосредоточиться на себе и понять свою природу, то, что именуется словом «самобытность».

Нам бы надо то же самое сделать. Перестать смотреть на Америку или на Францию как на готовый эталон, который следует скопировать. Да, там есть разнообразный, богатый опыт, может быть, в чем-то и очень полезный для нас. Но надо немножко на себе сосредоточиться. Ведь наш культурный опыт не менее богат. И здесь мне хотелось бы поддержать Владимира Петровича Гутника, который отверг огульные упреки менталитета российского народа как якобы чуждого рыночным преобразованиям. На самом деле это не так.

В российской культуре есть все. Она очень диверсифицирована, глубока и весьма разнообразна. Проблема антиномичности русской культуры хорошо прописана нашими философами. И всегда можно найти в ней то, что будет способствовать осуществлению модернизационных планов и задач.

Что является одной из первоочередных задач? Это, прежде всего, повышение уровня витальности населения. Витальности не в смысле создания физических условий для выживания, что, конечно, представляет собой необходимое условие для выживания социума, а в смысле повышения его жизнестойкости, оптимизма. Надо поднять социальную энергетику населения и изменить моральный климат в обществе, где одни настроены оптимистично, видимо, соответственно своему материальному и социальному положению, а другие смотрят на вещи очень пессимистично. Даже результаты опроса, о котором здесь уже упоминалось, показывают, что хотя многие люди считают жизнь

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

трудной и невыносимой, они считают, что они к ней уже адаптировались. Если возможна адаптация даже к невыносимым условиям существования, то одна из первоочередных задач, на мой взгляд, состоит в создании культуры оптимизма, культуры веры в собственные силы. Такое суждение может показаться странным, но другого выхода в данной ситуации я не вижу.

В программе, которую нам прислали, стоит вопрос об опыте и смысле старообрядческой модернизации. Я не буду спорить по поводу того, можно ли старообрядчество назвать модернизационным проектом. Но это как раз пример того, как когда-то сработала витальность данной локальной группы населения. Потому что для старообрядцев (я некоторое время изучала их экономическую деятельность) стимулом послужила именно их сосредоточенность на себе, их замкнутость, их уверенность в собственных силах и, безусловно, давление на них извне. Они ведь не могли опереться на государство, и вообще ни на что, кроме как на самих себя. Для них были перекрыты абсолютно все каналы социальной мобильности, кроме собственно экономического.

Что такое старообрядческое движение? Это представители церкви называли их раскольниками. А с точки зрения старообрядцев, сами церковники были раскольниками. Именно старообрядцы несли в себе пафос идеи Руси как Третьего Рима. Они были в высшей степени пассионарны изначально, считая, что только они могут спасти христианский мир. Этот нравственный пассионарный заряд они пронесли через несколько веков и его хватило, чтобы обеспечить взлет российского предпринимательства в конце XIX века. Кстати, реформы Петра I привели к тому, что был сломан российский торгово-промышленный класс, который существовал до Петра. Его реформы привели к тому, что возникло совершенно новое предпринимательство, существующее и действующее на новых принципах. А то, что существовало раньше, все эти купеческие корпорации в конечном счете пришли к полному краху. Так что модернизация — это процесс сложный и многополярный. С одной стороны, культура может дать взлет витальности. С другой стороны, культурная среда должна дать и условия для консенсуса, условия для легитимизации самого успеха.

На мой взгляд, для того, чтобы эти деятельные, активные, пассионарные личности (их немного, не больше двух процентов по социологическим данным) стали примером для остального населения, чтобы понять их и тянуться за ними, должно возобладать представление, что это не бандиты, не мироеды, что они не преступают нравственные заповеди, и их успех оправдан. Вебер в своей «Протестантской этике» показал, как внутри протестантских сект как раз и сформировался такой консенсус. Конечно, протестантские секты это не весь Запад, это часть Запада, который прошел, как правильно заметил Масарский, через то, через что, не дай Бог, нам пройти. И слава Богу, что Россия через это не прошла. Например, через религиозные войны. И святая инквизиция тоже по-своему способствовала выравниванию социокультурного потенциала Запада и общению к модернизации.

Мне представляется, что окончательная легитимизация крупного предпринимательства даже в рамках самого Запада произошла с формированием таких институтов, как массовая культура, которая тиражирует и даже активно навязывает некие стереотипные модели решения, позволяющие адаптироваться к существующим условиям. Вот такой консенсус необходим и нам. Но для этого нужна, конечно, большая культурная работа. То, что мы сейчас так много говорили об истории, совершенно не случайно. Потому что наша история богата теми позитивными примерами, которые мы из нее всегда можем извлечь, и которые необходимо напомнить и снова и снова предложить населению для того, чтобы поднять его дух и способность к консолидации.

Какие институты могут взять на себя функции несения культурной миссии модернизации? И государственная политика, в том числе средства массовой информации, и система образования, и система общественных организаций, таких, как краеведческие центры, историко-культурные центры, молодежные организации. Все это у нас есть. Особая роль, конечно, здесь может быть отведена религиозным организациям. Но пра-

вославная церковь пока, по-моему, не очень интенсивно отзывается на те запросы, которые возникают сейчас по отношению к религии.

Но есть достаточно интенсивное движение в околоправославных, в неэкономических кругах. Есть стремление соединить православную духовность с предпринимательством. Я, например, участвовала в большой Интернет-конференции по выработке норм хозяйственной этики и нравственного кодекса православного предпринимателя. Так что такие подспудные движения уже есть, и, на мой взгляд, их модернизационный потенциал нельзя сбрасывать со счетов. Если бы мы научились это делать, наше будущее выглядело бы достаточно оптимистично.

Гутник В.П. Тезис о православном предпринимательстве меня очень заинтересовал. Я хотел бы уточнить. Существует такая позиция, что именно из-за того, что в отличие и от протестантской, и от католической церкви православная церковь относится прохладно к предпринимательскому духу, складывается своеобразный российский менталитет если не отрицательного, то сдержанного отношения к предпринимательству. И если уж поддался искусству предпринимательства, то приготовься откупаться за это большими пожертвованиями, взносами и т. д. То есть фактически церковь тоже стала внедрять подобную яркую специфику в предпринимательство.

Я просто столкнулся с одним человеком, который занимался этим вопросом. Меня не очень удовлетворила его аргументация. На Ваш взгляд, действительно ли заложено в глубинных основах православия такое отношение к предпринимательству, либо это специфика исторического развития церкви, и тогда можно будет вернуться к истокам или обновить это? Или сейчас происходит одновременно модернизация самого православного отношения к проблеме трудовой этики, предпринимательства и т. д.?

Зарубина Н.Н. Мне представляется, что сама православная церковь не относится негативно к предпринимательству. И об этом говорит ее история, хотя бы тот факт, что институты православной церкви сами были не меньшими предпринимателями в России.

Толстых В.И. А нестяжание? Это же важнейший принцип именно православия.

Зарубина Н.Н. Было столкновение мнений на рубеже XV-XVI веков — стяжатели и нестяжатели. Это был конфликт внутри православной церкви. При том, что в дальнейшем церковь и монастыри как части церкви, как церковные институты, развивались, тем не менее, по уставам Иосифа Волоцкого, и, видимо, верно говорят, что история старообрядчества — это история иосифлячества в XVII-XVIII веках.

Православие не содержит в себе, в отличие от протестантизма, вероучительных стимулов для предпринимательской деятельности. Но оно и не содержит каких бы то ни было установок на то, чтобы эту деятельность перекрыть. Впрочем, в протестантизме путь спасающегося, путь верующего человека, путь духовной самореализации совпадает с мирской активностью, в том числе и предпринимательской. В православии же духовный путь высшего уровня все-таки с мирской активностью не совпадает, но тем не менее он ее и не перекрывает.

Поэтому православие в данном случае, на мой взгляд, стоит сейчас на распутье. Вышел документ, в августе был принят Архиерейским собором — «Основа социальной концепции русской православной церкви». Документ уникальный, раньше у православной церкви своей социальной концепции не было. Они попытались дать свой ответ католикам. Разделы, связанные с экономической деятельностью по труду и собственности, на мой взгляд, совершенно не решают проблему стимулирования и легитимизации ни трудовой активной деятельности, ни предпринимательской. Они просто трактуют эти понятия сообразно Писанию и преданию. Не более того. Но в то же время уже хорошо то, что с церковных позиций принята сама постановка вопроса о возможности церковного благословения по отношению к хозяйственной и предпринимательской деятельности. Эти вопросы не исключаются из ведения церкви.

История, опрокинутая в будущее

Толстых В.И. По моей задумке выступление Олега Викторовича Доброчеева поставлено ближе к финалу нашего обсуждения не случайно, потому что он — человек прогнозов. Мы говорили здесь довольно подробно о реалиях, говорили об истории России, советской действительности и сегодняшних проблемах. А это человек, который смотрит в будущее, и только этим и занимается, причем серьезно.

Доброчеев О.В. Вопрос, который был задан сегодня для обсуждения, — что делать? На самом деле вопрос стоит так: что хотим или что будем делать? Когда я начал думать над этой постановкой, она для меня оказалась оригинальной. Никогда не думал в таком ключе. Всегда думал как естественник: например, выстрелили пулю или запустили ракету. Далее можно лишь посчитать траекторию, поскольку процесс движения закономерный. В нем нет места вопросу: что делать?

В этой связи я согласен с Виктором Викторовичем Ивантером, который сказал, что модернизация уже произошла. Как ни странно, я тоже пришел к такому мнению. И даты похожи. По моим оценкам, правда, у нас все делается двухактно. Революции — 1905, 1917 годов. И модернизация тоже двухактная. Я назову всем известные факты, а об их источниках можно потом дискутировать. 1991-й год — Ельцин, 2000-й — Путин. Это факты. Хотя я считаю, что путь экономических трансформаций, осуществленный Ельциным, был предопределен в 85-м году Горбачевым.

Вторая волна — это Путин. Я даже написал статью «Третья русская революция», конечно, гиперболизируя ситуацию. Тем не менее считаю, что это вторая волна в рамках модернизации последних десятилетий, о которой Виктор Викторович сказал, что она уже произошла. И у Путина обязательно тоже должен быть кто-то предтечей на шесть лет раньше. Такое мое отношение к происходящему с нами в последние десятилетия провоцирует вопрос, который никто тут пока не формулировал (хотя попытки подойти к нему были). Кто же автор сценария, настоящего сценария, который действительно идет, а не тот, который задумывался?

Когда я одно время работал в Кремле консультантом, то имел возможность ознакомиться в библиотеке с книжкой Бжезинского 1986 года «План игры». Она меня не впечатлила. Но первое, на что я обратил внимание, ее никто в Кремле не брал в руки. Может быть, они и правильно делали. Он написал двенадцать сценариев о том, что будет с миром, с Россией. Там не было сценария 1991-го года. Второго автора мы тоже знаем — «Хотели, как лучше — получилось, как всегда». Это наш российский вариант. Оба эти сценария, к сожалению, оказались довольно далеки от реалий.

Поэтому я попытаюсь предложить вам и сейчас вычислить реальный сценарий. Вычисление сценария событий на принципиальном уровне делается так же, как, например, вычислялась траектория полета на Луну. Мало кто помнит, что первые спутники запускались в сторону Луны. Задача трех тел аналитически не решается. Запустили первый, промахнулись, что естественно. Имея первую рабочую траекторию, следующую рассчитали точнее — и мы уже попали. Алгоритм поиска настоящей логики событий может быть аналогичным. Неважно куда мы летим, важно, что мы уже прошли огромную часть, да к тому же нелинейной траектории с предельными подъемами и спадами. Кроме того, у нас есть несколько предварительных сценариев произошедших событий, часть из которых я назвал. Находим среди них наиболее близкий к реальности. Если таким образом удастся понять логику событий, то куда мы придем — станет предельно ясно. Выстрел произведен. И сейчас нужно обсуждать только детали, например, такого рода — мы, присутствующие здесь, впишемся в траекторию полета или нет?

Для того, чтобы вычислить настоящую логику событий, предварительно надо найти наиболее близкое к реальности последнее десятилетия расчетную траекторию. Два социально-политических сценария я уже называл. А вот следующий, который так же

рассчитывался заранее, и так уж получилось, он связан со мной. Часть политических и экономических фрагментов российской траектории я рассчитал семь лет назад, причем не самые простые фрагменты — какой будет, например, курс доллара в этом году. На сегодня прогноз семилетней давности (его регулярно перепечатывает «Независимая газета») дает значение курса в диапазоне от 21 до 36 рублей. Сегодня же он, как известно, — почти точное среднеарифметическое от прогноза — около 29 (отклонения, как видим, мизерные).

Другой экономический момент наших реалий, который тоже был вычислен и опубликован заранее, — о том, что у нас будет экономический спад, по крайней мере, до 1998-года. То есть была вычислена точка бифуркации экономики, как сейчас принято говорить не только среди естественников. Максимальный спад по наиболее консервативной составляющей народного хозяйства — объемам выработки электроэнергии оценивался в 30%. Все это было вычислено в 1994 году. Не буду останавливаться на других экономических составляющих прогноза, тоже достаточно правдоподобных, потому что российская траектория многомерна. Политика в ней тоже оказалась заложеной. Какие точки политической траектории вычислялись?

В 1994-м году — за два года до президентских выборов — был опубликован рейтинг политиков 96-го года. Он был разделен на две части — лидеры и аутсайдеры. 1994-й год. Я думаю, у всех еще в памяти ведущие политики того времени. А кто же из них оказался расчетным лидером в 1996 году? Их иерархическая последовательность оказалась следующей: Ельцин, Черномырдин, Жириновский, Рыбкин. Люди все совершенно разные. Но, тем не менее, рейтинг был именно таков. Абсолютными же аутсайдерами, как ни странно, оказались: Шумейко (официально названный преемником в 1994 году), Гайдар (лидер ДВР), Шахрай и т. д. Это расчетные элементы политической траектории.

По законам естественнонаучного жанра после прохождения точки бифуркации траектория должна была быть уточнена. Начиная с 13 января 99-го года, было опубликовано несколько статей, в которых излагалась дальнейшая траектория российских социально-политических трансформаций. Было, в частности, вычислено, что новый политический лидер появится в стране на границе 1999 и 2000 годов (приблизительно через год после публикации), что будет он не «политическим тяжеловесом» (имелся в виду премьер Примаков), а лидером в возрасте 50 плюс-минус 5 лет. Так и произошло. И эта политическая составляющая нашей большой траектории оказалась расчетной.

После сопоставления достаточно правдоподобной, назовем ее так, траектории с реализацией подтвердилась, например, мысль Виктора Викторовича о том, что старт модернизации уже был произведен, и довольно давно. А сегодняшнее торможение кризиса так же естественно, как и появление на капитанском мостике Путина, и мы уже, по меньшей мере, 7 лет движемся по сценарию с непротиворечивой, хотя и нелинейной и трудно воспринимаемой обыденным сознанием, внутренней логикой.

В этом сценарии было начало — перестройка, есть сегодняшний день и должно быть продолжение. Причем внутренняя логика наиболее вероятного будущего полностью содержится в прошлом. Если оно правильно понято, то дальше даже рассказывать не о чем, поскольку ясно, что было до этого.

Сейчас идет инерционный социальный процесс. Мы можем о чем угодно спорить и строить какие угодно планы, но процесс пошел и он идет.

Отвлекаясь немного от темы, хочу заметить, что во многих интереснейших мыслях сегодняшнего дня проступает одна проблема — высказывая ту или иную социальную идею, многие не знают, к какому моменту времени она станет предельно актуальной. Поэтому вопрос долговременной социальной траектории России — это первейшая, в сущности, и единственная интеллектуальная проблема, касающаяся будущего страны, ее переустройства и модернизации. Все остальное — детали, своеобразные елочные украшения, которые без елки, системы, никакого интереса не представляют. Если же есть понимание траектории, а значит и цели, подсчет актуальных политических,

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

экономических, социальных, духовных и других составляющих пути большого труда не представляет. Это все производные.

Что же делать? Перед тем, как ответить на этот вопрос я, все-таки, разверну свой тезис о модели общества, положенной в основу расчетов. Мои исследования, и не только мои, но и многих других историков и экономистов, подводят к выводу о существовании некой объективной ритмики социальных движений. Существует некая волновая модель движения социума. Единственно, что я как физик знаю наверняка, это то, что чистые волны можно создать только в специальном устройстве — резонаторе. Все остальные наблюдаемые в различных средах колебания называются флуктуациями, которые начинаются как волна, но заканчиваются, грубо говоря, неизвестно чем и неизвестно когда. Поэтому я, например, недавно в Институте философии говорил об «облаке», как наиболее близкой к реальности физической модели социума. Это тоже почти волновой процесс, то есть когда-то оно (облако) возникло и когда-то исчезнет.

Какие параметры нашего российского «облака»? У него порядка 80-летний цикл, что многое объясняет. Например, почему у нас все протекает так долго. В маленьких европейских и прибалтийских странах — все происходит гораздо быстрее. У них социальный цикл короткий. 80 лет — люди в России так долго не живут. У нас в стране мужчины живут в среднем 56—59 лет. Получается неохватываемая одним и даже двумя-тремя поколениями ситуация. Тем более один человек не может контролировать весь этот процесс. Он может его только начать.

Например, политическая драма Горбачева, согласно нашим траекторным расчетам, возникла потому, что в момент, когда надо было плавно тормозить социальное развитие (такие фазы развития неизбежны, а значит, и необходимы), он провозглашает — ускоримся. Ускорились! Многие знают, что если при корректировке полета ракеты не в тот момент включить ускорение, то вместо того, чтобы перейти на более высокую орбиту, можно полететь вниз. Нерасчетный процесс почти всегда носит фатальный характер.

Ускоренное восстановление народного хозяйства, а не подъем и т. д., это веление сегодняшнего времени, а не 15-летней давности. Может быть, в этой связи стоит даже снова вернуться к опыту перестройки. Может быть, в переложении этого опыта на сегодняшние реалии и заключается задача модернизации? Хотя и это далеко не просто — органично вписать в текущий контекст, проверенные нашим собственным опытом, но, тем не менее, все-таки «социально-экономические протезы» образца 1985 года.

Длинный цикл России диктует удивительные вещи. У нас, например, неизбежны грандиозные социальные и другие проекты. Одновременно он объясняет, почему в длинноволновой Америке за 10 лет выбираются из депрессии, а в длинноволновой России, наоборот, погрязают еще глубже. У них длинное, но 60-летнее «облако», а у нас длинное, но 80-летнее. Тем не менее, когда я рассчитывал точку перехода 1998 года, то опирался на анализ динамики американского кризиса 1929-го.

Гутник В.П. Я прочитал, что вообще вся американская стратегия от прогноза привязана под конкретный повседневный текущий интерес и под это выстраиваются уже все последующие действия. Здесь проще, поскольку просчитываются текущие интересы и вектора. И, конечно, 60-летний цикл прогнозировать и вывести быстрее на антикризисную категорию легче. Причем у американцев 60-летний цикл сидит везде. Это у них стандарт.

Добровичев О.В. Подмодели, которые я развиваю для анализа социальных движений, основываются на законах механики. Правда, для этого лет пятнадцать назад пришлось внести существенные поправки в представления о природе флуктуационных движений — уточнить закон диссипации энергии в сплошных средах Колмогорова. Результатом этих физических изысканий оказалась удивительная вещь — флуктуационное, турбулентное движение сплошной среды не зависит от физических свойств самой этой среды. Я пережил тогда шок и стал испытывать новые закономерности в других средах. Оказа-

лось — работают. Физические закономерности во многих социально-экономических явлениях оказались порой сильнее чисто экономических или политических.

Согласно этим закономерностям длинным циклам обязательно должны соответствовать и более высокие потолки социальных траекторий. Поэтому, например, грандиозные идеи типа коммунизма у нас неизбежны. Мы можем мечтать и о Европе. Но это у нас не пройдет. У нас вообще не пройдут скромные модели. 60—80-летняя пропорция должна соблюдаться. Не пройдут, правда, и чрезмерно высокие цели. Взяли, например, потолок — коммунизм — пролетели мимо цели. Не в тот момент запускаем двигатель, 85-й год — тоже катастрофа.

Толстых В.И. Скажите — что нам нужно «запустить» сейчас.

Добровичев О.В. Так Виктор Викторович Ивантер уже ответил. Все запущено. Я пытался только это пояснить. Все запущено уже несколько лет назад.

Какая модернизация нам нужна, какая модернизация у нас возможна?

Толстых В.И. У меня большая просьба к участникам «круглого стола» — внимательно и придирчиво послушать выступления сначала Андрея Евгеньевича, а потом Валентины Гавриловны, моих коллег по проекту. У нас был такой замысел: составляя программу, мы долго обдумывали ее, и пригласили вас, чтобы узнать, как она воспринимается. А теперь, когда вы высказали свое отношение и мнение, хотелось бы высказаться и нам.

Городецкий А.Е. Трудно включиться в дискуссию, когда она уже на излете. Мы действительно сделали очень насыщенный сценарий и попытались отразить в нем весь комплекс вопросов и идей, наших наработок, которые возникали по ходу подготовки Круглого стола.

Прежде всего о том, почему в самом начале проработки темы мы обращаемся именно к экономической модернизации. Говоря об экономических аспектах модернизации, мы так же, как и философы, не можем избежать методологической прамбулы, которая предваряет возможные подходы к типологии модернизаций и их конкретному экономическому наполнению. Методологически экономисты, столкнувшись в 1990-е годы с политической реформ, выстроенной по модели догоняющей модернизации, должны были решить для себя не только вопрос о том, годится ли вообще для нас концепт «догоняющей модернизации». Рано или поздно, пришлось бы выразить свое отношение к категории модернизации как таковой, чтобы уяснить себе, а можно ли то, что лежит в основе преобразовательных процессов в СССР, затем в России, на протяжении последних 25 лет, отнести к модернизации в том смысле, как это понимается в различных теориях модернизации у нас и за рубежом. И прежде всего выяснить, выражает ли так называемая экономическая модернизация специфику модернизационного проекта в целом, или это синоним набора неких институциональных, макроэкономических и структурных преобразований, как они предстают в политических альтернативах новой командой либеральных реформаторов.

Забегая несколько вперед, отмечу, что в работах экономистов эти вопросы проработаны на порядок хуже, чем в философских, политологических и культурологических исследованиях. Дискуссии последнего десятилетия были сосредоточены, в основном, вокруг приемлемости-неприемлемости радикального либерализма как идеологической парадигмы реформаторов; неоклассической экономической школы и монетаризма как теоретической основы проводимых реформ; моделей шоковой терапии и финансовой стабилизации в качестве рекомендованных МВФ и принятых российским руководством моделей проведения реформ. Исключение составляют, пожалуй, взгляды отдельных из-

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

вестных экономистов (С. Глазьев, А. Белоусов, и группа лево-ориентированных ученых-экономистов, сплотившихся вокруг Фонда «Альтернативы», которые при поддержке Фонда Эберта проводят исследования по различным аспектам модернизации российского социума).

В политэкономической традиции, в том виде как она сложилась в СССР, модернизация как теоретическая модель социально-экономических преобразований почти не присутствует. Сначала речь шла конкретно об индустриализации, коллективизации, социалистической реконструкции в 30-е годы. Позднее, начиная с 60-х годов, страна вступила в сорокалетний период реформации. Проводимые реформы и экономические эксперименты, охватывая все новые и новые сектора хозяйствования и управления, постепенно подвели к ситуации и потребности радикального преобразования политической и социально-экономической системы.

Характерно, что и в это время, говоря об обновлении строя в целом, а не только экономики, говорили, опять-таки, не о модернизации, но о научно-техническом прогрессе, научно-технической революции. Позднее, учитывая процессы, развернувшиеся на Западе в ходе неоконсервативных революций, в качестве целевых ориентиров развития стали рассматриваться технологические и структурные революции, ближе к нашим дням — информационные революции. Не случайно на старте перестройки первой и одной из наиболее серьезных концептуальных разработок стала Концепция ускорения социально-экономического развития акад. А. Аганбегяна, в которой предлагались амбициозные цели выхода на рубежи современного научно-технического развития, экономического роста, управления. Там, где модернизация так или иначе присутствовала в качестве теоретического понятия, она связывалась, прежде всего, с типом технологического развития (модернизация техники, фондов, наряду с реконструкцией отраслей и предприятий, новым строительством и т. д.). По-видимому, это не случайно.

Социализм как теоретическая конструкция, строго говоря, не модернизация в том смысле, как она понимается в аутентичных модернизационных теориях. Модернизационные модели — это, скорее, теоретическая альтернатива социализму, которая предлагает совсем иные пути и методы решения проблем преодоления экономической отсталости и общественного прогресса.

Есть, конечно, искушение свести социализм к разновидности модернизации. Собственно, с позиций модернизационных теорий социализм, действительно, выступает как насильственный и ускоренный метод осуществления догоняющей модернизации, который, увы, как выяснилось, делает цель недостижимой, а задачу — неразрешимой. Но, надо признать, что чисто теоретически социализм — это некая формационная парадигма социально-экономического прогресса. И в этом своем значении — призванная создать и обеспечить социально-экономические условия для развития производительных сил, производственных отношений, превращения производства в технологическое приложение науки, социального и культурного прогресса. Вот почему в советской, а затем и российской теоретической традиции модель модернизации в явном виде не присутствует. Она как бы из другой «оперы». Даже в постсоветское время в экономической теории и концепциях для описания переходных процессов, как правило, употребляется термин «системная трансформация», а не модернизация в той или иной интерпретации. Исключение — Программа социально-экономических преобразований до 2010 года, подготовленная под руководством Г. Грефа и содержащая комплекс разделов, объединяемых названием «Экономическая модернизация».

Отсюда следует, что проблема модернизации применительно к России действительно требует теоретико-методологического самоопределения. И начинать надо с уяснения самого смысла и содержания категории модернизации, ее модификаций, векторов и горизонтов в XXI в. Здесь, на мой взгляд, возникает немало серьезных методологических трудностей, которые повсеместно делают дискуссию разговором на разных языках.

Происходит это потому, что мы часто спонтанно и некритично используем категориальный аппарат модернизации, взятый напрокат из соответствующих западных тео-

рий. В них «модерн» выступает как типологическая позиция в определении конкретного исторического времени и инструмент этапизации исторического прогресса. В этом смысле «модерн» выступает как теоретическая рефлексия Запада о самом себе и универсальная модель для всего мира. А годится ли это для всего мира и согласен ли мир свое всеобщее историческое время подчинить историческому времени Запада в его субъективном (сугубо западном) восприятии и понимании? Этот вопрос всерьез не обсуждается.

Абсолютизируя цивилизационное лидерство Запада, мы постоянно упускаем из виду, в частности, то, что он далеко не однороден. Тут есть свой внутренний Центр, своя полупериферия, периферия и, наверное, очень глубокая периферия, для которых модернизационная проблематика не менее актуальна. Не замечаем мы и того глубокого кризиса, который всполохами прорывается на различных сегментах системы мирового капитализма, предоставляя честь первооткрывателей этой проблемы наиболее продвинутым представителям транснациональных бизнес-элит и зарубежных научных сообществ.

«Модерн» подчас возвышается до уровня исторического рубежа, точки отсчета, водораздела эпох наподобие градации «до и после нашей Эры» Но в другой духовной и культурной традиции, в истории других цивилизаций, стран и народов все может быть принципиально по-иному — и свое понимание и видение Истории, и другие её летоисчисления, периодизации, и многое-многое другое. Отсюда следует важный вывод.

Цивилизационный подход применительно к проблемам модернизации должен включать в себя понимание того, что для различных цивилизаций есть разновременность и многовекторность характера развития. Не является ли модернизация разновидностью разнотемпового развития по отдельным его векторам? На мой взгляд, такой подход к модернизации расширяет спектр возможностей и общий потенциал развития отдельных цивилизаций, культур, стран и народов.

Эта мысль хорошо вяжется с близкой мне позицией Ю.В. Яковца. Цивилизации не только дифференцированы по временным и векторальным характеристикам развития. Они способны и на конвергенцию, диалектическое схождение в интересах преодоления разрывов в развитии, причем не только экономических, но и цивилизационно-культурных, на преодоление не только технического отставания Востока, но и технокультизма Запада. В этом смысле действительно глобальная модернизация становится мощным средством становления развитого цивилизационного многообразия как основы для планетарной интеграции. Да и собственно глобальная модернизация возможна только при цивилизационном плюрализме, опирающемся на равноправный диалог и культурное взаимодействие цивилизаций, многополюсный мир сотрудничества и сотворчества для решения узловых, «роковых» проблем первой половины XXI в.

Теоретико-методологическая слабость предопределяет и несостоятельность в области выработки стратегий модернизации. Стратегия есть тогда, когда есть понимание по фундаментальным вопросам развития. Тогда можно осуществить целеполагание, расстановку приоритетов и ориентиров, определять альтернативы. Если такого понимания нет, если царит полный концептуальный вакуум (эпигонство не в счет), то и о стратегии говорить нечего. Её и быть не может. Возможно лишь оголтелое «приспособленчество» к тому, что доминирует, господствует «здесь и сейчас».

Упомянем в этой связи и о такой проблеме, как мифоборчество, идущее рука об руку с мифостроительством. В любой дискуссии считается хорошим тоном взамен положительного анализа развенчать пару-тройку политологических или идеологических мифов. Постмодернистские игры технологов переходят в перманентные мистификации виртуологов. Вместо теории и методологии — виртуалогия. Но на этой почве стратегии тоже не выстроишь. Возможны только виртуальные выверты стратегии. Что мы сегодня повсеместно наблюдаем и даже обсуждаем (в литературе по глобалистике это хорошо просматривается).

Для нас, авторов исследовательского проекта, проблема выбора стратегии для России на долгосрочную перспективу заключена в поисках ответа на следующий вопрос:

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

как связать модернизацию России с современным контекстом глобальных трансформационных вызовов, при этом не сокрушая самые глубинные основы русского социума и российской государственности?

Модернизацию мы понимаем как движение к новой современности XXI в., т. е. в русле поиска новой парадигмы общецивилизационного развития и прогресса. Как обозначить этот нарождающийся новый тип модернизации и перевести его в формат концепций, стратегий, национальных программ развития, определения механизмов их ресурсного обеспечения и реализации — вот в чем главный вопрос.

В этом смысле модернизационный вызов для России надо понимать как императив движения к современности, овладение современностью и творение ее. Но с тем условием, с той оговоркой, что каждая эпоха имеет свою современность. Нельзя привязывать модернизацию к той новой и новейшей истории, которая нам известна по прошедшим эпохам. Нельзя повторить то, что для самого Запада является вчерашним днем и весьма неоднозначным, противоречивым и болезненным опытом.

Модернизм, на мой взгляд, может быть рассмотрен как «линия прогресса» в «потоке развития». Последнее есть поток истории (естественно-исторический процесс, по К. Марксу), включающий в себя все богатство изменений во времени и пространстве всех субъектов и объектов истории, многовекторной и многовариантной в своем развитии и развертывании. В этом плане модернизация выступает как разновидность и лишь одна из линий развития, которую не надо превращать в фетиш и какой-то универсальный мегатренд. Ее всеобщее значение и ценность связана с тем, что она как процесс непрерывного обновления и накопления нового качества выступает альтернативой всякому застою, старению и одряхлению. В этом, и только в этом смысле, модернизация может рассматриваться как символ и средство развития любого общества.

Короче, для меня проблема сегодняшней российской модернизации — это вхождение в новую современность, которая связана с XXI в., с теми его чертами, которые мы, вслед за зарубежными коллегами, называем постмодернистской эпохой, фазой постиндустриального, или, в других интерпретациях, постэкономического развития, становлением новой экономики, информационного общества и т. д. Увы, и здесь тоже приходится пользоваться тем категориальным аппаратом, который сформирован по преимуществу не нами.

Относительно российской реальности можно зафиксировать, что нынешние реформы разрушили наиболее важные элементы инфраструктуры экономики и общества. И потому сегодня мы наблюдаем здесь своеобразное смещение эпох — доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной. Выстраивание приоритетов модернизационного проекта для России по этой причине может включать в себя и задачи неомодернизации, точнее, ремодернизации (т. е. повторения того, что уже было когда-то решено другими способами, но разрушено), и задачи постмодернизации с целью выхода на рубежи постиндустриального развития и, вероятно, какие-то другие классы модернизационных задач. В России весь этот набор задач может послужить базой для оформления системы приоритетов модернизационного проекта, о котором мы здесь говорим.

Я совершенно согласен с идеей О.В. Доброчеева, что для такой страны, как Россия, не может быть никакой естественным образом протекающей трансформации, но должен быть выработан, создан именно модернизационный проект. Системный кризис вообще, российских масштабов, в частности, требует системных ответов, системных решений. А системные решения — это, конечно, проект. И для России уже в силу только системности кризиса потребуется общенациональный проект — трансформационный, модернизационный и т. д.

Следующая идея, которую я хотел бы также специально отметить как результат нашей дискуссии — это взаимосвязь стратегического проектирования и модернизационных циклов. На мой взгляд, эмпирически подтверждаемая повторяемость модернизационных циклов длиной в 80 лет с известными допусками, поправками и ограничени-

ями, о которых говорил О.В. Доброчеев, хорошо корреспондирует с кондратьевскими длинными волнами экономической конъюнктуры. Значит, эти циклы могут быть взяты за основу при разработке хронологии и стратегий модернизации. Так появляются объективные основания и ориентиры модернизационного проекта. В контекст проекта должны вписываться прогнозы и программы по различным временным горизонтам, также привязанным к объективной экономической циклике. Ясно, что современное программаторство, включая программу Г. Грефа, в такой проектный контур не вписывается.

Попутно хочу обратить внимание на одну из капитальнейших проблем модернизации в России — модернизационный цикл у нас сам по себе разорван, у него нет механизмов самовоспроизводства, и он не воспроизводится. Если исходить из того, что модернизация — это периодический и системный процесс обновления, то здесь должен действовать свой воспроизводственный цикл. У нас такого цикла нет. Марк Масарский правильно отметил, какой у нас цикл реализуется со времен Ивана Грозного — раскол-смута, смута-раскол. Развитие, конечно, есть и в этом варианте, но цена такого развития слишком велика, а его результаты часто спорны и неустойчивы.

По поводу прошедшего реформационного цикла и его итогов в 1998 году Л.М. Григорьев заметил, что развитие все же было и его результаты налицо. Да, оно было. Но почему все же вехами этого развития являются катаклизмы и катастрофы? Этот вопрос в полной мере относится и к характеру модернизационного цикла в целом.

В рамках работы над проектом Валентин Иванович сформулировал один, на мой взгляд, трудно разрешимый вопрос: какую цивилизационную задачу не решила Россия на протяжении своей истории и которая остается нерешенной, фатально предопределяет её, России, модернизационные неудачи? Мне уже приходилось писать о том, что причиной разорванности и конфликтности модернизационных циклов является то, что подавляющее большинство исторических модернизаций вступало в непримиримый конфликт с цивилизационно-культурными началами русской жизни, носило внешний и насильственный характер. Есть, наверное, и другие причины данного явления, которые еще предстоит выявить и осмыслить.

М. Масарский правильно отметил, что мы избежали религиозных войн, которые способствовали формированию ментальности, сделавшей западного человека восприимчивым для модернизации. А была ли в России аналогичная революция духа, революция сознания или нет? Наверное, на этот вопрос тоже следует ответить. Лично я рискну предположить, что религиозным фоном российских модернизаций нередко становилось воинствующее сектанство, ересь, богоборчество и богоотступничество, атеизм, наконец. Это сопровождалось войной с традицией и надругательством над традицией. Затем — запоздалое и вынужденное обращение к традиции, часто через её грубые искажения, злоупотребления ею, превращение в псевдотрадицию (псевдоморфоз). Религиозного оправдания у российских модернизаций, скорее всего, никогда не было.

Есть еще два момента, на которых я хотел бы остановиться.

Они находятся в плоскости того же вопроса, сформулированного В.И. Толстых, о нерешенной цивилизационной проблеме, сводящей на нет все попытки российских модернизаций. Одна из сторон этого вопроса — тема о свободе и свободах. Почему любое соприкосновение со свободой, расширение её поля на российской почве приводило к бунтам, мятежам, смутам и революциям? Почему русская свобода взрывала русскую государственность? В цивилизационном и культурном плане России не удалось совместить принципы государственного порядка, национального и социального мироустройства с позитивным пониманием свободы. Российская государственность, как правило, оказывалась намертво сращена с исторически определенным и, в отдельных фазах модернизационного цикла, исторически обреченным режимом власти. В этом смысле она не выработала в себе самой иммунитета против вируса негативной и нигилистической свободы, которую на первых порах несет с собой модернизация. С обречением режима власти обреченной оказывалась и сама государственность. Не преодолен разрыв между религиозным и культурным измерением свободы и политическим воззрением на свобо-

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

ду как преодоление всяких ограничений для индивидуальной воли человека, частных и групповых интересов. Грезы о свободе в России не стояли на твердой почве созидания гражданского общества, развития правовой и политической культуры. Свобода как взрыв страстей, разгул эмоций, как «вольница» — вот рок и несудьба любых эпохальных преобразований в России.

Есть еще одна вещь, которая тоже помогает понять, почему у российских модернизаций такая сложная судьба. Дело не только в том, что у нас все модернизации проводились сверху, насильственно; но еще и в том, что у нас субъектом модернизации всегда выступало государство, и никогда — гражданское общество. В модернизационном цикле постоянно присутствует крушение государственности. Смута как антигосударственность, потом долгое и мучительное выздоровление, институциональное восстановление, порой через мучительные политические и социальные шокотерапии, или даже хирургии.

У нас была вечно слабой не только цивилизационная база модернизаций, но и их институциональная база. Юродивые, самозванцы, цари-харизматики, революционеры, вожди, словом, исключительные личности Истории, а не национальные институты были субъектами и движителями российских модернизаций. Ни одна модернизация толком не имела в предпосылках институциональных основ, институциональных форм во время своего проведения. Она в принципе не преследовала сознательные цели создания таких институциональных форм, в которые новые модернизационные реалии могли бы закрепиться устойчиво, необратимо.

Надо предельно заострить вопрос о том, что, игнорируя или вульгаризируя проблему идентичности, нельзя выстроить сколько-нибудь устойчивую модернизационную перспективу. Успешные реформы невозможны без фактора идентичности. Этот вопрос не парение в философских эмпиреях. Это важнейший экономический вопрос, связанный с механизмами целеполагания и стратегического планирования, формированием новых мотивационных механизмов, структурированием системы интересов. Само понятие идентичности нуждается в серьезной многоаспектной проработке. Оно, кстати, тесно взаимосвязано с темой субъектности современного исторического процесса. Как только возникает вопрос о субъекте, тут же встает и сопряженный вопрос о том, как он себя самоосознает, самоопределяет, с чем себя идентифицирует. И наоборот, вопрос об идентичности сразу же влечет за собой вопрос, о чьей идентичности идет речь. Я осмелюсь утверждать, что национальная идентичность, национальный интерес и экономический успех органично и непосредственно взаимосвязаны. Нет и не будет экономического успеха там, где отсутствуют два первых компонента. Не буду подробно аргументировать почему, но подчеркну, что вырастает понимание того, что сама идентичность представляет сложное, многослойное понятие, выступает как система. Она содержит и включает в себя духовную, моральную, культурную, национальную, политическую идентичности.

Когда говорят, что у нас утеряна идентичность, то, думаю, это либо заблуждение, либо сознательное преувеличение. Большинство из нас за прошедшие годы вполне определилось в духовно-религиозном и конфессиональном плане. Мы все, по самоощущению, продолжаем считать себя русскими. Многие даже продолжают считать себя советскими. Абсолютное большинство продолжает считать себя людьми великой русской культуры. Мы не перестали считать себя гражданами великой страны. Но есть и те проблемы, которые не каждый может для себя поставить, а тем более решить. Последнее касается многих важнейших целей и приоритетов, которые определяют будущее нашей страны, экономики и общества. Много путаницы в отношении нашего места в современном мире. По-видимому, речь должна идти о том, что в действительности происходит саморазвитие идентичности, превращение новых знаний и представлений в новые ценности и нормы, адаптация традиций к новым реалиям. Это первое.

Во-вторых, я думаю, что можно поставить вопрос и о том, что сама идентичность модернизационной эпохи тоже модернизируется. Этот процесс мы, как правило, не учитывали, собственно, и саму эту проблему даже не ставили. Мы говорили о кризисе или об отсутствии идентичности, вплоть до отсутствия нации и национального само-

сознания. Ставился вопрос даже о смене культурного архетипа и ядра в человеке. А вот вопрос о модернизации идентичности, особенно применительно к современной эпохе глобальных трансформаций, мы ещё даже не поставили.

Какая модернизация нам нужна? Вот два полюса, о которых уже говорилось в дискуссиях. Идеал развития для Гусинского — это сытость; для Путина — великая держава. На что мы будем ориентировать модернизацию? На сытость? Виктор Викторович говорил, что надо создавать нормальную жизнь, и всё остальное самообразуется. Олег Викторович, напротив, методами жесткого прогноза доказывает, что наши евразийские пространства стягиваются в устойчивое, достаточно защищенное общество и государство лишь великодержавно. И поэтому «модернизация сытости» в России обречена. Значит, надо вписываться в иной «коридор» модернизации.

То, чего не может выговорить физик, могу артикулировать я как обществовед, экономист, способный за сухими выкладками аналитика и прогнозиста увидеть обобщающие теоретические закономерности. А закономерность в том, что наше месторазвитие, история, её ритмика и циклика, наше мироощущение, социальный и экономический уклад обуславливают неразрывную связь модернизации и державостроительства.

Я не согласен с суждениями о полезности опыта латиноамериканских модернизаций, а также насчет фактической латиноамериканизации развития России. Конечно, внешнее сходство наших реформ в части их результатов с известными латиноамериканскими образцами наблюдается. Но нужно учитывать то, какую модель мы запустили на старте. Мы запустили те стандартные модели МВФ, которые были апробированы именно в латиноамериканских странах. Ясно, что и последствия запуска этих моделей во многом дают внешне сходные результаты. По мере накопления объективных аналитических материалов об этом опыте развеиваются многочисленные мифы об экономических успехах Мексики, Аргентины, Бразилии. То же самое можно сказать в отношении чилийского опыта, который нашими ведущими либерал-реформаторами долгое время подавался как эталон успешной модернизации. Когда этот опыт анализируется объективнее и неангажированными специалистами-профессионалами, то оказывается, что чилийская модель была связана с таким же, как у нас, бардаком, спадом, экономической разрухой, политическим хаосом. И только искусственная поддержка, огромная лавина американских инвестиций Помогли в течение 20 лет создать образ благополучной страны, которую сегодня ставят в пример наши либеральные почитатели Пиночета.

По поводу того, какую модернизацию мы можем себе позволить. Думаю, что при определенных раскладах мы можем себе позволить самую амбициозную модернизацию. Но для этого вопрос о том, что мы можем сегодня, нужно решать с учетом не только того, что лежит в ежегодном ВВП и бюджете. Нужно проинвентаризировать и мобилизовать все ресурсы национального богатства, которыми мы сегодня располагаем. Они и так тихо действуют и работают, иначе мы бы давно обвалились. Но их надо обратить на пользу самой модернизации страны, а не обогащения узкого слоя лиц.

Нужно четко обозначить все те финансовые ресурсы, которые сегодня можно и нужно мобилизовать. Если по совокупности просуммировать денежные сбережения населения, масштабы беглых капиталов, российские активы за рубежом, возможности повышения капитализации российских компаний, российского фондового рынка, перспективы увеличения экспорта, то получатся цифры порядка триллиона долларов.

Мы можем и должны мобилизовать тот огромный реальный интеллектуальный капитал, масштабы утечки которого не меньше, чем отток валюты. Имеются в виду как утечка мозгов за границу, так и внутренние офшоры, т. е. те российские фирмы, которые работают по заказам западных фирм, передавая им в собственность уникальные интеллектуальные продукты. Мало кто знает об истории со знаменитым боевым вертолетом «Черная акула» с двухосным винтом, разработанным нами, но запатентованным французами. В любой момент нам могут сказать, что Россия эту технику продавать не может, поскольку не ей принадлежит патент на этот важнейший элемент боевой техники.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Сегодня необходимо особо выделить роль институционального ресурса модернизации. Мне представляется, что мы находимся на новой стадии. Это фаза антитезиса, отрицания предыдущей фазы институционального саморазрушения, институциональной разрухи, институционального нигилизма. «Смутодержавия». Здесь кроются зачатки институционального восстановления; здесь видно, что институциональный ресурс и институциональное целеполагание, выдвижение институциональных приоритетов — знание времени, содержание этапа развития, фаза модернизационного процесса, старт институциональной трансформации. Эта фаза будет определять основные вектора развития на ближайшие пятнадцать лет. Обоснование этих временных горизонтов содержится в монографии Института экономики РАН «Россия-2015: оптимистический сценарий», поэтому я не буду подробно задерживаться на этой теме.

При благоприятном развитии институциональных механизмов будет успешно решаться и проблема реализации всего набора ресурсов, о которых шла речь выше. Вообще хочу подчеркнуть здесь одну вещь. Правильно отмечается, что на старте реформ не было никакого либерального проекта. Было либеральное экспериментаторство, основанное на не очень хорошем владении соответствующими книжными источниками, некритическом восприятии зарубежного опыта и советов западных консультантов.

Сейчас либералы начинают выходить на уровень проекта, и об этом говорит весь шлейф последних документов последних месяцев текущего года: Программа Грефа, Послание Президента Федеральному собранию РФ, Бюджетное послание Президента, Заявление Правительства и Центробанка России об экономической политике в 2001 году. Везде прослеживается тенденция сформулировать контуры проекта, правда, теперь либерально-государственного. Это, безусловно, плюс.

Безусловно, плюс и то, что теперь всю заговорили о модернизационной проблематике. В программе Грефа очень подробно прописана тема экономической модернизации. Но это ещё не все. Речь идет и о том, чтобы модернизировать человека и всю социальную инфраструктуру — это тоже входит в проект. Только об этом говорится меньше, потому что это очень скользкая и опасная тема. Опасная потому, что за этим скрыта массированная атака на конституционный принцип социального государства. Этот фундаментальный заход либералов против государственного участия в экономике, государственного регулирования, модели национального государства и государственности вообще облечен в форму программно-положения Греф-программы о «субсидиарном государстве». Либералы тоже, как видим, не отвергают пересмотр действующей конституции, но только на собственных идеологических основаниях.

Есть ли шансы у Программы Г. Грефа? Я не считаю, что это тот долгожданный вариант реформ, который придаст им новое ускорение и социальное измерение. Вообще либеральный проект в нынешней России, на мой взгляд, не имеет перспектив. Не потому, что он гайдаровский или грефовский, но потому, что он именно либеральный. Либерализм безнадежно скомпрометировал себя в предыдущее десятилетие и второй раз в российской истории упустил свой шанс. Кроме того, уже на данной стадии видно, как он в очень серьезной мере модифицируется в процессе доработки, в процессе обсуждения, в процессе перевода стратегических положений Программы в конкретные меры экономической политики. А что с ним станет, когда данный Проект начнет реализовываться через стандартные аппаратные механизмы и технологии, уже можно в общих чертах предположить по известной формуле В. Черномырдина.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что от либерального проекта мало что останется. Но не в том плане, что он очередной раз с треском провалится. Просто при соприкосновении с действительностью сработают те стратегии выживания и адаптации, с помощью которых Россия десять лет не только выживала, но, надо сказать, и в известном смысле продвигалась вперед.

В.В. Ивантер прав, когда говорит, что рыночная экономика запущена, что она состоялась и худо-бедно развивается. Я тоже сознательно воздерживаюсь от употребления понятия «переходная экономика», а тем более таких сильных выражений, как «ква-

зи- или псевдорынок». Но вот с тем, пошла ли модернизация в том смысле, в каком я её здесь пытался определить, я бы очень серьезно поспорил. В действительности созданы лишь самые общие рыночные и макроэкономические основы для запуска модернизационных процессов. Но ещё предстоит создать необходимую институциональную среду. И, конечно, нужен обоснованный и осуществимый модернизационный проект, который превратит модернизацию в регулярный и регулируемый, успешно протекающий процесс.

Федотова В.Г. Когда мы планировали Круглый стол по модернизации с преобладающим участием экономистов, мы ясно понимали, что модернизационная теория не является собственно экономической теорией, что она выработана как социальная теория, и что экономисты каким-то образом ее модифицируют для своих нужд. Мы пытались понять, что же вкладывают экономисты в это понятие.

Сегодня ответ на этот вопрос прозвучал достаточно четко и зафиксирован в выступлениях. А.Е. Городецкий определил экономический аспект модернизации как технологическое развитие, институционализацию. Но участниками дискуссии были указаны и другие параметры, скажем, обеспечение устойчивого стабильного роста экономики. Многие обозначили сегодня совокупность черт, которые мы могли бы определить как экономическое видение модернизационного процесса.

Теперь по итогам Круглого стола можно сказать, что удалось представить некоторую экономическую модель модернизации на сегодняшнем этапе. Понятно, конечно, что такую модель не вполне устраивают классические теории модернизации, которые характеризовали как становление самого Запада, так и ответ на это развитие незападных стран. Дискуссия показала, что требуются новые концептуальные подходы и от социальных теорий.

Такую критику в адрес социальных теорий я принимаю. Но я не принимаю попытку от них отойти: давайте, мол, будем называть модернизацией не то, а это, не так, как говорили классики, а так, как мы теперь будем считать.

Мне кажется, что мы должны совершенно четко исходить из классических представлений о модернизации как о таком пути развития, при котором западные страны, ориентируясь на Запад, как некий образец, пытаются воспринять его структуры всесторонне, включая ту самую рекультивацию, т. е. изменение идентичности, о которой А.Е. Городецкий говорил в своем докладе.

Эта модель представлена в концепции Вебера, в тезисе, что есть единственный капитализм — это западный капитализм, созданный трудовыми усилиями, выработанными при помощи протестантской этики. Все остальные виды капитализма, основанные на грабеже, войне, обмане, нечестной наживе и т. д. он отказывался называть этим именем. Хотя пробовал сам называть их «незападным капитализмом». Но подробно изучив конфуцианство, буддизм, иудаизм, индуизм, ислам, М. Вебер скажет, что у этих обществ нет эндогенных (собственных) ресурсов формирования капитализма западного типа. И для того, чтобы к нему приблизиться, они будут вынуждены ориентироваться на западную модель. Тем самым ввел некий внешний фактор.

При этом, конечно, М. Вебер не предполагал, что кто-то из незападных обществ станет провозглашать цель стать Западом. Теоретики часто сталкиваются с неадекватным воплощением их теорий. Когда в 1968 г. студенты Германии восстали (прямо воплощая в жизнь теорию Франкфуртской школы), идейный глава этой школы М. Хоркхаймер сказал: «Мы не думали, что они будут реализовывать нашу теорию бутылками с зажигательной смесью».

Наши либералы реализовали теорию модернизации с помощью бутылок с зажигательной смесью. Они объявили, что мы должны стать «нормальной страной». Меня глубоко возмущают слова о нашей негативной уникальности в контексте сопоставления с Западом: по отношению к Западу мы как раз и есть «нормальная страна», как и другие западные страны. Запад уникален. Мы проходим те же трудности, которые проходили Турция, Мексика и другие страны.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

У нас есть специфика, состоящая, по крайней мере, в том, что мы никогда не были колонизованы, что мы всегда стояли на позициях своей национальной самостоятельности. У нас есть культурные особенности, православное христианство и т. д. Некоторые евразийские черты могут быть включены в число наших специфических особенностей. Тем не менее, в своей попытке развиваться, начиная с Петра I и где-то немножко раньше, Россия постоянно ориентируется на западный образец, единый для всех незападных стран, не мечтая при этом стать Западом, а лишь стремясь перенять некоторые из его достоинств.

Для экономистов главным здесь выступает индустриализация как тот предел, который необходимо достигнуть в экономическом развитии. В этом плане индустриализация была достигнута. Но позволяет ли это сказать, что модернизация уже завершена. С моей точки зрения, абсолютно нет, потому что она не сводится к индустриализации и требует осуществления большого числа других параметров, включая формирование автономного индивида, целерациональности, рекультуризацию, демократизацию, опору на науку, рост числа новых институтов, то есть множество других черт, которые в России не были достигнуты. Поэтому задача модернизации становится как бы бесконечной. Даже перед Францией в сравнении с Англией стоят еще задачи модернизации. С позиций модернизационной теории она должна еще пройти какие-то этапы развития по этому пути.

Проблема состоит в том, что мы всегда развивались по модели догоняющей модернизации. Были другие попытки: Египет, Филиппины — вестернизация без модернизации, Япония — модернизация без вестернизации — на основе собственной идентичности.

Развиваясь по пути догоняющей модели, в 90-е годы номинально ее провозгласив, мы не могли ей следовать, потому и не можем ответить на вопрос: какую стадию развития Запада мы догоняем? Одни говорили: все идет в России правильно, прямо «по Ф. Броделю» — первоначальное накопление. Другие говорили: нет, не первоначальное накопление, а формирование национализма, рост национализма, национального самосознания. Например, для И. Яковенко именно это было доказательством верности избранного пути. Наши коммунистические мечтатели всё говорят, что мы догоним постиндустриальное общество. Это уже выходит за пределы модернизационной теории. Это вообще — утопия высшего полета. Как мы можем догнать, если за ельцинский период, который мы прожили при номинально провозглашенной идее модернизации, произошла самая решительная демодернизация в индустрии, образовании, в культуре.

Некоторые спрашивают: «А разве на Западе не происходит деиндустриализация?» Каждый видел американские фильмы, в которых показано столкновение банд в заброшенных цехах. Цеха не работают вследствие деиндустриализации. Я видела заброшенный сталелитейный завод в Сент-Луисе (США), вокруг которого население полностью люмпенизировалось. Но рядом в Корбандейле есть шахты, которые сохранены, хотя добываемый в них уголь не нужен. Университет обязывают топить углем. Поскольку уголь содержит вредные серные примеси, куплены дорогие очистные сооружения, город благодаря им славится экологической чистотой. Все это делается ради социального благополучия, чтобы избежать известной ситуации в Сент-Луисе.

Запад в целом, тем не менее, действительно, деиндустриализируется, демодернизируется. Но ради чего? Деиндустриализируется, чтобы построить Силиконовую долину, производить компьютеры, чтобы создать новые постиндустриальные и информационные производства. У нас же инженер пошел солить грибы, профессора работают на шести сотках и т. д. Это — типичная демодернизация, о чем Н.Н. Зарубина уже говорила. Провинция: это — полная власть местного начальства, это — приватизация власти этим начальством, это — полная потеря всякой европейской линии развития. Мы можем тут критиковать и В.В. Путина, и кого угодно другого. Но пусть попробует житель провинции покритиковать какого-нибудь местного Пупкина, и вы узнаете, какая модернизация там произошла.

Казалось бы, ориентация на общий западный образец, хотя и дает разные результаты, но унифицирует процесс. Все должны проходить какие-то фазы. Вот индустриализация. А что теперь? А теперь говорят — постиндустриализация. Но я повторяю, что это выходит уже за пределы модернизационной теории. Можно, конечно, сказать: «Нам надо догнать Запад сегодняшней фазы». Тогда мы будем, казалось бы, следовать той же самой модели.

Главное, что не позволяет сегодня это сделать, — это начавшийся процесс глобализации. Глобализация — это закрепление статус-кво на условиях, которые устраивают Запад. Глобализация — это победа капитала над национальными интересами незападных стран.

Поведение Запада в ходе нашей реформы 90-х с абсолютной ясностью показывает, что Запад поддержал наших «демократов», поправ тем самым нашу демократию. Он поддержал тех, кто говорил о демократии, но не был демократом, и теперь они же называют их «рыночными большевиками» (Д. Глински, П. Реддавей). На Западе признают сегодня, что борьба шла не между коммунистами и демократами, а между демократией и олигархами. Запад возмущается нашей коррупционностью и т. д. Почему же они поддерживали тогда этих «демократов», представляя их деятельность как борьбу за демократию? Очень многие наши коллеги, бывшие либералы, вы знаете, разочаровались, перешли на позиции, совершенно противоположные. А.С. Панарин прошел вообще все круги от либерализма к евразийству, славянофильству, вплоть до русского национализма, А. Зиновьев вернулся с Запада его страстным критиком, А.С. Ципко покался в антикоммунизме, считая, что это было на руку антироссийским силам и т. д.

С моей точки зрения, Запад добивался не распада СССР — он добивался распада коммунизма, но только для того, чтобы процесс глобализации, то есть победа капитала над национальными интересами незападных стран, мог действительно состояться.

Сегодня модернизация переводится на локальный уровень, где каждая страна сама отвечает за свой выбор и где не действуют универсальные модели. Появилась концепция «множества модернизмов», то есть множества вариантов развития, исходя из собственных задач. Для Китая наш опыт модернизации был более близок и понятен, чем опыт Запада. Сегодня мы можем интересоваться китайской моделью развития, тем, что происходит в Турции, Японии. То же, куда трансформируется Запад, становится недостижимым, но мы можем осваивать предшествующие фазы его развития, особенно в политической сфере. Нельзя упрекать Запад, что он нам не сказал, что мы — не демократы, что мы не идем к демократии. Мы сами должны сказать себе, чего мы хотим. В этом наша главная проблема.

На традиционный русский вопрос «что делать?», я хотела бы ответить следующим образом:

1. Понять, в каком обществе мы хотим жить.

Я думаю, что нам надо построить приемлемое для жизни общество, которое могло бы сохранить определенную российскую традицию, ее значимость в мировом сообществе, ее роль в мире и вместе с тем обеспечить не только экономическое, но и моральное и политическое состояние, адекватное лучшим образцам. Появился новый термин — «хорошее общество». В концепции «хорошего общества» эмпирически и нормативно обозначаются его характеристики: уровень благосостояния, состояние населения, сохранение идентичности, участие в глобализации и польза от нее, социальная помощь, трудовая мотивация, здоровье нации и демографические процессы в ней и др. Есть рейтинги хорошего общества. Лучшим считается Норвегия, на втором месте — Канада, на третьем месте — США. Так это или не так, но я хотела бы отметить, что, конечно, можно сказать, что нам не нужна модернизация. У меня один студент из Африки, когда мы в группе говорим о развитии, все время улыбается. На мой вопрос, почему вы улыбаетесь, он ответил: «А мы решили не развиваться». Если мы тоже решили не развиваться, мы можем, конечно, и не развиваться. Но у этого сценария будут определенные последствия.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

2. Понять, что модель развития становится более специфической и реагирующей на те конкретные проблемы, которые мы можем обозначить как проблемы нашего общества сегодня. То есть она становится не более целостной, а более эмпирической, безусловно, учитывающей региональные аспекты. Я изучала турецкую модернизацию, немощно — японскую модернизацию. В Японии социологи предлагали разные проекты развития для различных регионов этой небольшой страны. В Турции они тоже изучали региональные различия. А мы на такую страну хотим надеть общую рубашку. Наивность такого проекта обнаруживается тогда, когда мы поставим вопрос: «Алтай в XXI веке?», «Тува в XXI веке?», «Тамбов в XXI веке?», и как на региональном, провинциальном уровне все это воплотится. То есть нужна дифференцированная модель.

3. Понять, что системность российского кризиса не означает, что его преодоление будет системным, ибо произошло разрушение социальной системы российского общества. Главный вопрос русской истории «что делать?» возникает из системного характера кризиса, в который попала, и не раз попадала, Россия. Но если кризис носит системный характер, — значит ли это, что кризис характеризует состояние некоей системы, которую образует наше общество? Я полагаю, что нет. С моей точки зрения, последнее десятилетие нас полностью вывело из состояния системности. Во-первых, я считаю, что в социальной сфере мы получили анархический порядок, то есть такой рост очень неустойчивой самоорганизации, который не мог быть постоянно действующим. Нам повезло, что этот порядок не взорвался, что он не привел к войне всех против всех. Признаками его является слабость центральной власти, отсутствие действенных институтов, отсутствие коллективных представлений, самопомощь и кооперация населения, а также люмпенизация масс, почти как мечтал М. Бакунин, говоря, что разрыв с высокой интеллигентской культурой и есть подлинная революция.

Что касается рынка, я сегодня не готова признать, что рынок существует. Это зависит от контекста. Когда мы сравниваем с СССР, можно сказать, что у нас появился рынок. Но когда мы сравниваем с Западом, то существующее у нас мало напоминает рынок как такое системное образование, которое действует по объективным законам, об отсутствии которых и говорил М.В. Масарский. Я придерживаюсь концепции эксплярной экономики, выдвинутой Т. Шаниным. Советская экономика не была государственно регулируемой. Вспомните, в магазинах — ничего, на столах — все. И сегодняшняя экономика не является рыночной. Она — неформальная. Я, правда, не хочу идти далее за выводом Т. Шанина, что этот феномен делает нас похожим на Гану, теперь даже уже не на Бразилию, как он утверждал ранее. Но у нас анархический порядок и неформальная экономика. У нас нет системы. У нас кризис идентичности, безусловно. И у нас anomia в массовом масштабе, то есть деструкция ценностей.

Когда один поляк написал Р. Дарендорфу письмо с вопросом, почему он ожидал счастливого освобождения от социалистической системы, а произошло ужасное ужесточение жизни, дискомфорт, бессистемность и т. д., Р. Дарендорф ответил ему, что у вас была гиперномия, сверхнормированность, а теперь — anomia, то есть — недонормированность, отсутствие норм и их рассогласование. И он сказал, что anomia хуже, хотя его репутацию демократа никто не может подвергнуть сомнению.

Именно поэтому, мне кажется, мы не можем требовать системной модели. Мы не можем применить системную модель изменений к обществу, которое не является системой. Следовательно, мы вынуждены давать дифференцированные модели для каждой сферы жизни, и при этом попытаться найти ключ к пониманию того, что происходит в обществе. Я тоже писала и говорила про институционализацию, даже издала одну скучную американскую книгу об американском правительстве и демократической системе, чтобы показать отсутствие у нас нормальной институционализации в сфере политики и в других сферах.

На кого был рассчитан коммунизм? Он был рассчитан на идеалистов, на энтузиастов, на людей, отличающихся чувством справедливости, на тех, кто «принял коммунизм, чтобы быть сытым». Но коммунизм, как показал писатель А. Платонов, был рас-

считан также на завистливых: села ликовали, когда раскулачивали более зажиточных крестьян. И если коммунизм приобрел такое лицо, то это только потому, что в системе институционализации не была закрыта дорога этим контрпродуктивным слоям.

Возьмем либерализм. Он был рассчитан на энергичных, деловых, активных, предприимчивых, но так же и на жадных и наглых авантюристов. И опять не произошло никакой институционализации, которая могла бы закрыть дорогу этим непродуктивным слоям. Получается — какую бы идею мы ни придумали, она у нас всегда рекрутирует самые непродуктивные, самые отвратительные слои, которые превращают любые харизматические идеи на уровне рутинизации, как бы сказал М. Вебер, в совершенно неподобающее состояние. Это происходит потому, что нет институциональной поддержки для тех, на кого идея рассчитана в харизматической стадии.

Действительно, два процента активного населения делает ситуацию довольно безнадёжной. В одном районном центре мне говорил дядька, что он при всех режимах будет тут начальником — фашисты ли придут, коммунисты, националисты. Потому что, сказал он, я тут один, кто что-то хочет, и я готов участвовать во всем, что будет, потому что других нет. С этим уже сталкивались в Германии. Многие немецкие радикальные коммунисты возненавидели нас после освобождения Германии, потому что они желали мести за замученных в концлагерях и т. д. А мы некоторых бывших рядовых фашистов поставили секретарями райкомов. Это же было. Потому что активное население даже там было небольшим. И, следовательно, только институты могут сместить проблему на поддержку тех, кого должно, а не тех, кто коренным образом меняет облик харизматической идеи.

Думаю, отнюдь не случайно в послевоенной Германии победил ордолиберализм, и вся политика страны была направлена на это. Денежная реформа Эрхарда, когда выдали всем небольшую сумму новых денег, аннулировав старые, стала источником «немецкого чуда», мгновенно сделав тех, кто владел казино, притоном, — никем, а тех, у кого была пекарня, мастерская, — всем.

Либерализм, конечно, ошибся и в плане мотивации уже на самом харизматическом, теоретическом уровне. Потому что предполагалось, что люди имеют неизменный интерес к максимуму материального самоудовлетворения. Я не раз приводила этот пример. Во многих аудиториях, включая аудитории «новых русских», я задавала вопрос: если вы производите картошку по 6 рублей за килограмм, а я согласна у вас покупать по 12 (идуший от М. Вебера пример), вы будете производить больше, меньше или столько же? Редко в аудиториях находился человек, который говорил: больше. За десять лет существенно изменились пропорции ответов, но не в сторону «больше», а в сторону «столько же». Я просто помешалась на этом примере, заиклилась. Больше людей, которые начинают говорить: столько же. Но очень мало людей, которые говорят — больше.

По проблеме институционализации. Коллективное сознание, коллективное представление — тоже институт. Мы разрушили главный институт социальной жизни, а именно наш институт коллективных представлений. От этого идет всякий раскол.

Как «малооплачиваемые мозги» я совмещаю в трех университетах и провела перед этим нашими Круглым столом три дискуссии со студентами по проблеме идентичности. Результаты разные. В двух из них студенты отвечали: «Я — тело», «Я — несостоявшийся спортсмен». Кстати, очень многие молодые люди отвечают: «Я — тело». Многие отвечают: «Я не знаю, кто я». Полная фрустрация: «Я не знаю, кто я и найду ли себя». Некоторые говорили: «Главное для меня, чтобы никто не догадался, что я из России». «Главное для меня — найти высокооплачиваемую работу». «Главное для меня — это понять, зачем я учусь».

В Высшей школе экономики результаты опроса резко отличались: «Я — человек». «Я — моральный человек». «Я — человек, который хочет изменить свою страну». «Я — женщина, которая предпочтет свою семейную роль». «Я — человек номоса, своего окружения, тех, кто меня любит и кого я люблю».

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

Из-за чего происходят эти различия? Из-за того, что им твердят: вы элита, от вас зависит будущее. Андрей Александрович Яковлев, проректор ВШЭ, показал, что он — не просто экономист. Он говорил как раз об идентичности. Они работают с этими студентами в плане коллективного сознания. Я была просто ошеломлена чудовищным различием между тем, какие у нас будут педагоги, политологи (при первом типе ответов), и какие у нас будут экономисты.

Славин Б.Ф. Более-менее ясно с теорией модернизации. Модернизация — это не столько вестернизация, сколько ответ каждой отдельной страны на вызовы времени, сейчас — на требования глобализации, новейшей технологии, Интернета и т. д. Тем не менее, прослушав многие интересные выступления участников Круглого стола, я так и не понял, куда движется современный мир и куда в этом мире идем мы.

Мы убедились из опыта, что то, что нам подсунили либеральные фундаменталисты в форме дикого капитализма — это плохо. Ясно и то, что коммунисты, извратив свои первоначальные идеалы, превратили интернациональное учение о социализме в национальную идеологию «державности». Эта идеология консервативна: она ищет будущее в прошлом, в казарменном социализме сталинского образца. Это тоже неприемлемо.

К какой же модели общества следует стремиться? Что могут в этом плане предложить ученые, в том числе сидящие за этим столом?

Любая модернизация предполагает движение к чему-то более хорошему и чистому, чем то, что мы имеем сейчас. Запад нас не устраивает, Восток тяготит. Что же остается? Отвечая на этот вопрос, нужно сразу отбросить нереальные утопические мечтания и те модели, которые мы уже проходили. Нас не может устроить ни логика современной космополитической вестернизации, ни логика националистической замкнутости. Одна стирает напрочь национальные особенности России, другая отказывается видеть новые начала современной постиндустриальной эпохи. Думаю, что у нас есть только один выход — исследовать основные прогрессивные тенденции современного мира и на основе этих тенденций выстроить модель, отвечающую требованиям времени и особенностям России. Основные параметры и характеристики такой модели, в свою очередь, могут стать отправными ориентирами и показателями модернизации страны. Тогда мы сможем уже не абстрактно, а конкретно говорить о степени приближения к этим показателям и обсуждать различные моменты такого движения.

Говоря образно, история идет галсами, пробуя и отработывая различные, как правило, крайние варианты своего движения. Так она «проиграла» и отбросила вариант тоталитарного казарменного социализма, сегодня изживает вестернизированную модель российского общества, предложенную радикальными демократами. Какая же модель может нас удовлетворить после таких крутых поворотов, которая пережила Россия в XX веке? Думаю, эта должна быть модель нового «третьего пути», в котором будут преодолены крайности прошлого и настоящего, где будет сконцентрировано то, что оправдалось историей и принято народом, где новое идет на благо всех, а не только элиты.

На мой взгляд, такая модель должна взять все лучшее из того, что было создано социализмом и капитализмом, что отвечает духу времени и интересам масс. Эта не должна быть идеологизированная модель будущего, где преклоняются перед святой общественной, или частной собственностью, где принадлежность к тому или иному «изму» определяет судьбу и жизнь простого человека, рядового труженика. В этом обществе должны цвести все цветы, радующие глаз и приносящие пользу людям.

Не нужно долго говорить, что рабочему человеку чужды разговоры о преимуществах того или иного «изма». Тем не менее он твердо знает, что хорошо, и что плохо в его стране. Может быть прошлый социализм и был плох, но детский сад — отдай, своевременность зарплаты — отдай, бесплатную медицину и культуру — отдай, наконец, дай спокойно выпить «на троих» в нормальных условиях. Если капитализм эти условия создает, то это хорошо, если он дает простор личной инициативе, борется с бюрократизмом и справедливо оплачивает труд, то тоже хорошо.

Очевидно, будущее общество сложится из всех прогрессивных тенденций, которые стимулируют общественный прогресс и приняты людьми. В ней найдется место и либеральным, и социалистическим ценностям, патриотизму и универсализму, свободе и ответственности, личному своеобразию и коллективизму.

В этой связи я хотел бы задать вопрос всем участникам Круглого стола, какая модель общества, с их точки зрения, отвечает требованиям современной модернизации, на которые Россия могла бы равняться?

Федотова В.Г. Я ведь говорила, что «измы» исчерпали себя, и надо строить какое-то параметрически представленное общество, в котором были бы лучшие из возможных здесь тенденций.

Гутник В.П. Помните, Маркс критиковал Прудона за то, что тот хотел взять и соединить хорошие стороны, а плохие отбросить. Будет ли работать такой рынок — большой вопрос. Если несистемность будет внедрена с желанием сделать как лучше, то получится, естественно, как всегда.

Мне хотелось бы обратить внимание на такой факт. Когда происходит трансформация и общество пытается выбрать для себя какую-то новую модель, отринув старую, сохраняя тем не менее какие-то лучшие, старые традиции, то, как правило, оно избегает выбора названия такой системы или придумывает совершенно новое название, именуя это «третьим путем», как это сделали немцы. Они отказались от капитализма и от социализма, обозвав свою модель «социально-рыночное хозяйство», которая полностью деидеологизирована. Возьмите конституцию Германии. Это совершенно уникальная конституция, где нет понятия частной собственности. Там есть слова, что «государство защищает собственность, собственность налагает обязательства». Совершенно правильная, взвешенная формулировка. В конституции нет ничего о капиталистическом рынке и т. д., зато подробно расписан механизм, кто за что отвечает, у кого какие компетенции, кто получает доходы и на что тратятся эти деньги в государстве. Поэтому я полагаю, что элемент деидеологизации в выработке концепции был бы очень важен.

Второй момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Ясно, что глобализация это победа либерализма. Но в то же время глобализация создает пределы либерализму. У нас недавно была дискуссия, мы не решили этот вопрос. Возникла такая постановка пока не ясного вопроса — что глобализацию сейчас отстающие страны, при правильной политике, в том числе внешнеэкономической, и правильной интеграции в мировой рынок, могут использовать для собственных нужд как ресурс модернизации.

Мне кажется, глобализация это не только препятствие, но, может быть, и ресурс модернизации.

Городецкий А.Е. Я тоже с иронией отношусь к лозунгам «деидеологизации», «раидеологизирования». Славин, конечно, прав, — свято место пусто не бывает, один «-изм» ушел, другой «-изм» занял его место на пьедестале. Но я ещё всегда развожу идеологизацию и политизацию, тем более крайне радикальную политизацию. Идеология — это система определенных политических идей и ценностных ориентиров. Без такой системы координат общество обойтись не может. Для меня, например, то, что сказано в отношении германской конституции, — это высочайший образец качественной идеологии, с помощью которой можно было создать принципиально иную платформу для всей послевоенной трансформации германского общества с возвращением Германии в состав великих держав и восстановлением немецкого национального достоинства как великой нации.

И насчет глобализации. Идею глобализации как ресурса и средства модернизации я считаю необходимым обозначить как очень интересный, новый поворот в нашей дискуссии и её несомненное достижение.

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

У нас бытует много мистификаций, связанных с глобализацией. Они очень распространены и широко тиражируются. Сошлюсь на статью Кента Уолца «Глобализация — американская мощь» (далеко не единственную в своем роде), опубликованную на сайте Русского журнала в Интернете. Он убедительно на цифрах и обширном историческом материале показывает, насколько глобализация — процесс противоречивый, не вмещающийся в те временные рамки и критерии, которые сегодня у всех на слуху. Согласно его анализу, начало XX века по ряду показателей глобализации характеризовалось ещё более тесной взаимозависимостью мира, чем сейчас. Иерархии господства были ещё жестче, мировая конкуренция не менее остра. Однако именно XX век показал, что нет ничего раз и навсегда установленного; что универсализм, проистекающий из единства мира, не понижает градус кипения национальной жизни и национальных культур; что глобализация в этом расширенном смысле шла и продолжает идти рука об руку с модернизацией в том понимании, как она была обозначена мною выше. И то, что в их взаимодействии наличествуют все моменты и оттенки диалектики, и говорить нечего. Точнее, одной фразой, одним абзацем эту тему не исчерпаешь.

И второе. Глобализация тесно связана с пресловутой новой экономикой. Сегодня все лучше и лучше просматриваются и её оборотные стороны. Осмыслены угрозы, которые высокотехнологичные сектора несут с точки зрения накопленного потенциала мирового кризиса. Проанализирован целый класс ранее неизвестных социальных противоречий, к примеру, сетевая несвобода, перед которой старый политический тоталитаризм или административно-управленческий и технологический детерминизм выглядят как старая добрая архаика. В новой экономике велика угроза удушения конкуренции, потому что те типы сетевых структур, виды хозяйственных комплексов, которые возникают в её лоне, способны вообще устранить это понятие как таковое. Деиндустриализация имеет место и внутри развитых стран, и выносится вовне. Между традиционной и новой экономикой имеют место конфликты, противоречия не потому, что первая это архаика, которая упорно, но безнадежно сопротивляется новому. Что уже есть и будут взаимодополняемые элементы экономической структуры, сегменты рынка, которые хорошо взаимодействуют в современной экономике.

Я хочу подчеркнуть, что все эти процессы применительно к проблемам модернизации должны быть очищены от налета мистификации, который имеет место быть. И модернизация, в свою очередь, действительно может выступать как противоядие вышеназванным негативным процессам. Социально-культурный и социально-экономический потенциал модернизации как фактор облагораживания и гуманизации глобализации; как реальная альтернатива деструктивным антиглобалистским движениям — это уже выход за привычные рамки дискуссии и её творческое приобретение.

Доброцеев О.В. По поводу перспектив, к которым мы движемся. Я четче сформулирую то, о чем уже говорил. «Умная Россия», а не «информационная», например. И путь к этому лежит через модернизацию. По другому невозможно встраивание в глобальный мир. И процесс этот не может быть нерегулируемым. Поэтому и возникает проблема управляемого процесса — модернизации.

Хотел бы сказать также, что регулируемое встраивание в мировую динамику неизбежно не только в том смысле, что мы должны будем иногда пользоваться численным инструментарием — компьютерами, например, но и в том смысле, что нам придется пользоваться элементами численного, естественнонаучного знания и естественнонаучными приемами.

Толстых В.И. Разговор получился интересный, в чем-то даже неожиданный. Составляя программу Круглого стола, мы, конечно, не рассчитывали на то, что получим ответы на все вопросы. Это первая дискуссия и всего лишь приступ к теме, которую предстоит осмыслить всесторонне, прежде всего придти к взвешенным суждениям и выводам. Поэтому сейчас подведем лишь некоторые предварительные, «промежуточные», итоги.

Мы избежали спора вокруг понятия модернизации, и это хорошо. В социологии оно нередко заменяется понятием трансформации как более широким и социетальным. Кажется, для этого есть серьезные основания. Ведь модернизацию привыкли отождествлять с вестернизацией и толковать как «догоняющую» или переход от чего-то отсталого, неразвитого к чему-то передовому, продвинутому — «современному». А трансформация означает долгосрочный процесс изменений и перемен, правда, слабопрогнозируемый и, следовательно, слабоуправляемый. Но модернизация, как бы широко или узко ее ни толковали, все-таки дает начало какому-то масштабному, растянутому во времени трансформационному процессу. Иначе она быстро выдыхается. Захлебывается, утрачивая свою витальную силу и мироустроительную функцию. Если модернизацию можно упрекнуть в верхушечном происхождении и принудительном характере, то трансформацию столь же легко обвинить в недостатке целенаправленности и регулируемости. Короче, нет большого смысла сталкивать и противопоставлять эти понятия.

Мы считаем термин «модернизация» емким, достаточно точным и вполне приемлемым к характеристике того, что произошло и происходит в современной, постсоветской России, имея в виду откровенно сознательный, начатый «сверху» и преследующий определенную цель процесс, который в трансформационном плане выступает как либерализация. Говорят, что провозглашенный в 1992 году «курс реформ» был вовсе не модернизационным проектом, а скорее «экспериментом», закончившимся провалом. Некоторые участники нашего Круглого стола, напротив, считают, что модернизация уже состоялась, произошла и остается лишь зафиксировать ее плачевные результаты, пытаясь в рамках жестких реалий определить дальнейший план или программу действий. Такой, условно говоря, «инерционный» подход и взгляд на модернизацию России лично для меня является некоторой неожиданностью. Но, видимо, с этим умонастроением придется считаться, и чем дальше — тем больше. По той простой причине, что страна и общество явно устали от выпавших на их долю «великих потрясений» XX века, впали в состояние социального анабиоза и анонии, заплатив слишком высокую цену за «ускорение исторического темпа и выход за пределы того, что общество может вынести на деле» (я цитирую мнение уже упомянутого Мануэля Кастельса, высказанное им в адрес России). Впрочем, возможен и другой подход, другая оценка событий.

Лично я исхожу совсем из иной презумпции. Из того, что нынешняя Россия, вот такая, как она есть, нуждается именно в модернизации, в ходе которой следует освободиться от наростов и пороков псевдолиберального экспериментаторства (коррупция, теневой экономики, мнимого безденежья и т. д.), а затем войти в русло комплексной трансформации и устойчивого развития, отвечающего вызовам современности. Я сознательно «погасил» спор, полемику между В.Г. Федотовой и А.Е. Городецким по поводу представлений и требований классической теории модернизации, так как это мало что проясняет в интересующей нас проблеме. Сама эта теория нуждается сегодня в переосмыслении многих своих основоположений и критериев.

В самом деле, еще вчера модернизация означала переход от традиционного общества к современному (модерну), к техногенному обществу как некоему эталону прогрессивного развития. Сегодня сам Модерн вынужден «модернизироваться» пережить эту стадию своего обновления, реконструкции, преобразования. Как ни называй эту стадию — «постиндустриализмом», «постэкономизмом» или «информационализмом», ясно то, что она существенно, кардинально будет отличаться от всей предшествующей эпохи. В условиях парадигмального кризиса современной цивилизации и перед лицом нарастающей глобализации мира модернизация обретает новый контекст и новое качество. Какое именно — это еще предстоит определить, как на общецивилизационном, так и локальном уровнях. Это в полной мере относится к выбору, который предстоит сделать постельцинской России.

Так, безусловно, сыграют свою роль активные поиски синтеза элементов традиционности и современности, во времена «сплошной западнизации» просто не актуальные, а ныне позволяющие всем вступающим на путь модернизации странам и народам

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

сохранить свою идентичность, национальную и культурную самобытность. Эту набирающую силу тенденцию «самосохранения» следует всячески поддерживать и стимулировать, не боясь упреков и обвинений в консерватизме, архаизации, национальной ограниченности и т. п. Не забывая при этом, что модернизацию устраивают не ради выживания, а ради дальнейшего развития.

Появилось, однако, еще одно обстоятельство, в корне меняющее модернизационную задачу и перспективу для любой страны. Включаясь в процесс модернизации и решая, как правило, партикулярные проблемы своего национального государственного и экономического развития, та или иная страна не может ныне рассчитывать на долгосрочный эффект затрачиваемых ею усилий и ресурсов, если она не отреагирует своевременно и адекватно на вызовы и проблемы глобального уровня и значимости. Обе названные выше тенденции (мегатренда) составляют, на наш взгляд, методологический и теоретический «каркас» модернизационного проекта для России, который еще предстоит создать, выработать коллективными усилиями.

Если оценивать состоявшийся у нас разговор под этим углом зрения, то можно констатировать следующее. Кажется, уже не надо никому доказывать, что нет готовых шаблонов и рецептов, которые достаточно скопировать и внедрить, игнорируя историческую матрицу, традиции и опыт страны, чтобы модернизация состоялась и была успешной. Равно как нет на сегодня и ясных представлений о путях-перепутьях глобализации и контурах будущего мироустройства. Другое дело, что существуют амбициозные устремления и активно действующие влиятельные силы, их не скрывающие (приверженцы идей «вечного капитализма», «золотого миллиарда», «сверхобщества» и т. п.). Тут к стати напрашиваются многие мудрые пословицы и поговорки: «гладко вышло на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», «не всё то золото, что блестит», «не говори «гоп», пока не перескочишь», «сила есть — ума не надо», и многие другие. Если идея мирового господства не восторжествовала в эпоху «канонерок», когда ими обладали немногие страны, то вряд ли она окажется удачливее во времена «ядерных боеголовок» и «новых технологий», которыми овладевают ныне многие страны и целые регионы.

Вот почему лично мне представляется весьма перспективной позиция Юрия Владимировича Яковца, как она выражена в его тезисах и выступлении. Касаясь проблемы выбора стратегии модернизации России в начале XXI века, он признает реальную возможность реализации трех сценариев — «оголтелой вестернизации», не менее активного и безоглядного «противостояния Западу» (с акцентом на ориентализацию российского пути) и построения гуманистически ориентированного многополярного мира на основе диалога культур и партнерства цивилизаций. Если внимательно вслушаться, вчитаться в выступления других участников дискуссии, то именно третий «сценарий» — с опорой на социокультурный потенциал, приоритетное развитие духовной сферы и роль государства — все они, каждый по-своему, рассматривают в качестве не только желательного, но и реально осуществимого — проект возрождения и обновления России. Собственно, другого варианта успешной модернизации попавшей в большую беду страны у нас и не существует.

Вот тут-то и возникает самый каверзный вопрос: если всё так ясно и понятно с выбором предпочтительного пути, то почему все известные на сегодняшний день реформаторские планы и программы его на деле игнорируют? Почему предпочтение отдается развитию (точнее, эксплуатации) сырьевой, а не технологической составляющей экономики страны? Чем объяснить, что в так называемой «программе Грефа» сфера науки, образования, культуры в самом широком смысле так и не стала приоритетом № 1 и продолжает финансироваться всё по тому же «остаточному принципу», чего нельзя скрыть мизерными прибавками в бюджете?

На эти ключевые вопросы модернизационной политики вразумительного ответа нет, как нет даже намека на то, что когда-нибудь произойдет, состоится превращение сферы «духовного производства» в главный ресурс и стратегическую цель социально-экономической политики государства. И невольно в голове возникает такая «нехоро-

шая» мысль: а не вступаем (наступаем?) ли мы опять, в который раз, на путь (грабли?) очередного «грефопадения», как кто-то остроумно обыграл фамилию автора программы, где суммой конкретных мер либерального толка по усовершенствованию «правил игры» на поле экономики и государственности явно подменено отсутствие скольконибудь масштабного плана преобразования страны? Я не говорю уже о странной, на мой взгляд, реакции интеллектуального сообщества вообще на «программу Грефа»: констатируя, что она «либерального толка», почти все сразу успокаиваются, как будто десять лет подряд нами правили и управляли не либералы, и мы забыли уже, к чему это нас привело.

Как и мои коллеги по проекту, я иного, кроме «прорывного», пути выхода России из кризиса не вижу. Вопрос и проблема в том, насколько Россия в ее нынешнем состоянии и с учетом расклада действующих в стране сил готова такой выбор сделать и способна его реализовать на практике. Казалось бы, ресурсы для «прорыва» в постиндустриальный или глобальный мир — налицо, и ничего не мешает его осуществить, кроме, разумеется, «дорог и дураков». Даже деньги есть, если их хорошо поискать, положить конец разворовыванию и создать элементарно сносный инвестиционный климат в стране. Но есть препятствие на пути перемен и желаемого «возрождения-обновления» — это усталость и безверие страны и общества как от великих, так и от неоправданных потрясений, выпавших на их долю за один XX век.

Морально-психологическая ситуация такова, что, вот-вот, придется снова вспомнить Тютчева — «в Россию можно только верить». По реакции населения на появление Путина невооруженным глазом видно, насколько велико отчаяние людей, если они готовы поверить «первому встречному» (его ведь никто толком не знал!) и даже самые малые признаки конструктивной деятельности принимают за избавление от обрушившихся на них напастей. Что интересно: за прошедшие год-два по сути мало что изменилось (цены растут, зарплаты и пенсии мизерные, инфляция продолжается, коррупция бесчинствует), а кое-что в действиях нынешней власти вызывает недоумение и даже раздражение. Это отнюдь не выбор гимна или цвет армейского флага, а, скажем, введение единого подоходного налога в 13% для всех — и богатых, и бедных, наверное, чтобы подчеркнуть их «равенство» и таким образом укрепить «солидарность» (бедным прибавили «всего лишь 1%», а с богатых сняли «сразу 30—35%»). Но отчаявшимся людям хочется верить, что завтра будет (должно быть!) лучше, и они охотно в это верят.

Без веры, конечно, нельзя. Но что такое истинная вера, когда она есть, хорошо объяснил на примере современного Китая автор книги «Прощай, Россия!», итальянец Джульетта Къеза: «Миллиард и 300 миллионов китайцев представляют собой настоящую стену принципов и исторических традиций, которые не смогли поколебать на протяжении веков даже самые большие потрясения. Китайцев можно приучить к гамбургерам McDonald's. Их можно завлечь сотовыми телефонами made in China, спроектированными в Силиконовой долине. То же самое относится и к компьютерам и программному обеспечению Microsoft. Но, оторвавшись от Интернета, выйдя из McDonald's или Pizza Hut, китайцы снова становятся китайцами». Иначе говоря, поверх всех новшеств и барьеров, которые возводит современность, они верны своему менталитету и традициям, сей во многом и объясняются успехи проводимой ими модернизации страны. Нам бы сейчас такую веру в себя и такое уважение к собственной истории, кстати сказать, ничуть не худшей, не более жестокой, кровавой и жертвенной, чем история той же Франции, Германии или США.

Я говорю об этом потому, что любой модернизационный проект, помимо экономического и политического обеспечения, нуждается еще и в социально-психологической, моральной поддержке населения. Не только элиты и некоторых особо заинтересованных групп, а всего народа, всей нации. Это верно, что модернизации происходят по инициативе и воле «верхов», но без народного энтузиазма и солидарных действий «низов» они обречены на провал. При этом массы должны почувствовать, и не потом, а сейчас, что перемены несут им облегчение, делают их повседневную жизнь более

Модернизационный вызов современности и российские альтернативы

сносной, а завтрашний день — более надежным и предсказуемым. Тиран Сталин почему-то это понимал и считался с «базовыми инстинктами» (Питирим Сорокин) народа, а наши сытые и благополучные либералы это начисто игнорируют. И продолжают предаваться иллюзии, что модернизацию можно «протащить» усилиями одной лишь бюрократии, посредством чиновнических предписаний, хитростью вкупе с наглостью, рассчитывая на долготерпение народа.

Но, кажется, я нарушил собственное предостережение, высказанное в начале заседания, и увлекся критикой практики, которая может увести далеко от цели, ради которой мы здесь собрались.

Послесловие

1. Стратегическими целями российских реформ в 1990-е годы была модернизация российского социума. За основу была принята модель догоняющей модернизации, которая в своих крайних проявлениях — социальных, экономических, цивилизационно-культурных — представляла собой вульгарную вестернизацию при экзотическом смещении стилей «дикого Запада» и «варварского Востока»; уродливого симбиоза абсолютной рыночной свободы (стихии), бюрократизма и коррупции в условиях фактически приватизированного государства. Реальным результатом применения такой модели стала демодернизация, отказ от уже достигнутых модернизационных достижений в сфере производства, науки, образования, культуры.

2. Дальнейшее продвижение по пути реформ остро нуждается в выдвигании позитивной альтернативы модели и практике «догоняющей модернизации», в разработке аутентичного модернизационного проекта, осуществляемого на основе цивилизационно-культурной идентичности России, проекта, не отрицающего противоречивого, трагичного, но бесценного и не имеющего аналогов в XX веке исторического опыта России; опыта осмысленного и претворенного в творческое созидание собственной истории и собственной исторической судьбы.

3. Оставляя за рамками дискуссии ставшие штампами идеологические конструкции типа «особого пути России», отвержения западничества и т. д., отметим, что многообразие цивилизационно-культурных и национальных моделей развития, в том числе модернизационных и трансформационных моделей, не только существует, но и усиливается глобализацией, переходит в новое качество по мере углубления последней. Ярким примером этого является Европа, которая, несмотря на всё более прогрессирующую степень экономической и политической интеграции, была и продолжает оставаться источником многих успешных национальных моделей развития, обеспечивающих устойчивость и воспроизводимость модернизационных (трансформационных) циклов, культурного и социально-экономического прогресса.

4. Подобный вывод соответствует новым концептуальным достижениям теории модернизации, которая, включая последнюю в контекст глобализации, обнаруживает новые качественные особенности модернизации и, прежде всего, многообразие ее вариаций вместо прежде единой направленности развития. В условиях глобализирующегося мира, появления новых форм универсализма заметно расширяется сфера социального творчества, возможность самостоятельного выбора пути развития каждым обществом и, соответственно, угасает восприятие западной модели развития как всеобщего и единственного образца. Так, наряду с опытом Запада, по-своему отвечающего на вызов современности, приобретает особое значение и ценность модернизационный опыт Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Турции и многих других стран.

5. До тех пор, пока не изжита модная сейчас идея «вечного капитализма», будут актуальны и социалистические идеи. Важное место в формировании российского модернизационного проекта занимает социал-демократическая позиция в отношении дихо-

томии «капитализма-социализма». Эта позиция содержит в себе дополнительный аргумент против модели догоняющей модернизации, непродуманных и скороспелых попыток насильственного, «шокового» введения капитализма в России.

6. Опыт российских реформ и новые выводы социальной теории модернизации подтверждают необходимость и целесообразность специального выделения в системе модернизационных процессов экономической модернизации. Она не сводится ни к технологической модернизации, как ее преимущественно трактовали экономисты, ни к привнесению извне капиталистических форм, властно-политическому насаждению рыночных форм хозяйства, механическому перенесению институтов капитализма на неподготовленную почву незападных обществ.

7. Одним из ярких проявлений фиаско российских реформ явился полный разрыв рынка и рыночных механизмов с экономической модернизацией экономики, выходом её на новое качество роста, производительности и конкурентоспособности. Отсюда — абсолютный императив экономической трансформации, главный стратегический приоритет рыночных реформ — поставить последние на прочную основу экономической модернизации. Под экономической модернизацией предлагается понимать качественные преобразования (*модернизационный прорыв*) в технике, технологии, информатике и организации производства (*технологическая модернизация*); социально-экономических отношениях и финансах (экономическая трансформация — в узком смысле); экономических и политических институтах (*институциональная трансформация*); в цивилизационно-культурных ценностях, трудовой этике, экономическом менталитете, типах экономического поведения, системе мотиваций, стимулов и интересов (*социокультурная модернизация, модернизация {само-}идентичности*).

8. Модернизация как периодически повторяемый процесс образует особые модернизационные циклы. Эти циклы хорошо просматриваются в достаточно обозримой системе природных и исторических циклов. На сегодня сложилось несколько известных школ, изучающих цикличность природных и социальных процессов. Не исключено, что разработки в этом направлении могут привести к формированию концепции модернизационных циклов с достаточно строгой и верифицируемой хронологией, а, следовательно, — могут помочь встраиванию реформационных стратегий в границы и закономерности объективных модернизационных циклов.

9. В качестве результата первого этапа исследования мы выдвигаем теоретическую гипотезу о том, что на рубеже веков и в первую четверть XXI века взрывное распространение принципиально новых процессов, связанных с глобализацией, означает ни что иное, как новое качество модернизации, связанное с наступлением новой эпохи, формированием новой, или сверхновой современности с её глобализмом, невиданными производительными возможностями, виртуальными технологиями и финансовой магией, безграничной мощью культуры и знания, на котором сегодня основывается экономика и общество, признанием абсолютной ценности и безусловной регулирующей силы этической нормы.

Модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. В свою очередь, глобализация, по всей видимости, при определенных условиях (в зависимости от доминирования тех или иных возможных вариантов ее реализации) может (должна) стать источником и ресурсом модернизации. Модернизация, связанная с индустриальной эпохой, и даже начальными фазами постиндустриализма, сходит на локальный уровень, становится моментом собственного диалектического снятия. Она в некотором роде отмирает и уходит в прошлое. Но это не убивает самый дух модернизации как перпетуум-мобиле прогресса, линии восходящего развития. Этот неугасающий дух модернизации потребует отлить в национальные формы Российского модернизационного проекта, на основе которого можно будет выстроить стратегию для политики и практики государственных, социальных и экономических реформ.